

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

том 1

ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

18+

Андрей Воронов-Оренбургский

**Сталинград. Том первый.
Прощайте, скалистые горы**

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том первый. Прощайте, скалистые горы /
А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-05490-5

Роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником Сталинградской битвы... Книга получилась честной и страшной. Это суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "Они сражались за Родину" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05490-5

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том первый.

Прощайте, скалистые горы

Глава 1

...Бледный предзоровый набрызг света вливался через шёлковую завесу тяжёлых портьер, слабо освещая стену с широким табасаранским ковром, высвечивая на нём мерцавшее серебро скрещённых шашек и сабель, кинжалов и дорогих охотничьих ружей, – подарки от именитых, известных всему миру, политических и государственных деятелей стран Варшавского договора: Х. Гофмана, Э. Хонеккера, В. Ярузельского... От дорогих земляков-дагестанцев и боевых друзей, от прославленных сослуживцев-командиров ВДВ и начальников Северной группы войск, командующим которой он, генерал-полковник Магомед Танкаевич Танкаев, был с 1968 года, и которая, во всеоружии стояла лицом к миру с объединённой группой войск НАТО в Европе. В то время СГВ – была одной из крупнейших в Вооружённых силах СССР и имела особый статус. Понятное дело, отсюда и жесточайшее требование – быть в постоянной боевой готовности, чтобы войска могли дать отпор решительно и молниеносно защитить интересы Родины. «Этим и определились те высочайшие требования, которые предъявлялись к личному составу, офицерскому корпусу, и конечно, в первую очередь к командующему СГВ. На эту ответственную должность назначались лучшие из лучших военачальников Советских Вооружённых сил. И был не писанный закон: через каждые четыре года здесь менялись командующие, как бы хорошо они не служили, как бы великолепно себя не проявили».¹ Что ж... быть может, в этом была своя военная мудрость и логика: каждый из них мог внести свежую струю в боевую подготовку и мощь наших войск. ...Под глазами генерала Танкаева залегли тёмные круги, и когда он во второй раз попытался отыскать плоскую картонную пачку любимого

«Казбека», рука его была напряжена и едва заметно дрожала. Он провёл тяжёлую ночь... Сны были наполнены вспышками ужасных картин былых

* * *

сражений, преследовавших его сквозь красный буран, свинцовый дождь, стылую слякоть военных дорог, бескрайних кровавых полей и речных переправ... Где он – зелёным, необстрелянным лейтенантом, с такими же ребятами, принял первое боевое крещение, с лихвой познав, до мозга костей, всю силу и стальную мощь третьего Рейха.

Эх, путь-дорожка фронтовая... В те огненные годы налитые смертоносным свинцом, сын Дагестана Магомед Танкаев, родом из затерянного в горах аула Урада, командовал взводом, ротой, батальоном, полком...

Его подразделения приняли участие в важнейших операциях, где решалась судьба нашего Отечества в составе Западного, Калининского, 4-го, 1-го и 3-го Украинских фронтов: в Смоленском, Московском, Сталинградском, Донбасско-Миусском, Корсунь-Шевченковском, Львовско-Сандомирском, Висло-Одерском, Пражском сражениях.

«...Магомеда Танкаевича можно было видеть там и только там, где особенно тяжело приходилось его воинам! Смуглый от природы, он совсем почернел от постоянного недосыпания и нервного перенапряжения...» Как Бог свят! Это строки из наградного листа... и таких листов было много.

¹ М Тинамагомедов, генерал-лейтенант.

Пехотные полки, которыми он командовал на фронте, были по достоинству отмечены высокими наградами:

823-му краснознамённому стрелковому полку за штурм и взятие города Дембица и успешные боевые действия в Львовско-Сандомирской операции было присвоено почётное наименование «Дембицкий»;

460-й полк был награждён орденом Александра Невского за доблесть и мужество, проявленные при овладении городом Рыбник

Великую Победу полк Танкаева М.Т. праздновал 9 мая 1945 года в освобождённом городе Прага. Преследование и уничтожение фашистов продолжалось до 12 мая.

* * *

...Было еще очень рано. Восточный горизонт едва-едва начинал светлеть, робко пытаясь бросить на улицы и бульвары Москвы первые тени. Магомед попытался уснуть. Но лишь только закрыл глаза, как перед ним вновь вспыхнуло разрывами лилово-чёрное, гудящее раскалённым металлом небо с огнистыми полосами; раскатистый гул вражеской артиллерии, рвал барабанные перепонки, четвертовал волю ураганным огнём...

Ключья былых сражений, как очереди трассирующих пуль, вновь и вновь опаляли память генерала.

Кто-то рядом за бруствером, упав на дно грязного окопа, бился в предсмертных корчах, облипший землёй и талым багряным снегом, скалил кричавший рот и истощно молил о смерти, точно жаждал, чтобы колючий огонь ударил в него, убил непрерывно-дикую муку.

– Застрели, умоляю!.. – солдат протягивал к нему красные, окутанные паром руки.

...Магомед хотел броситься к своему бойцу... Но в следующую секунду, под вспыхнувшим расплавленной латуной небом, в котором пылали лампы осветительных ракет, обгоняемый криками бойцов, яркими брызгами и тенями, что летели – скакали по ноздрястому снегу, к нему, пригибаясь под пулями, подбежал сержант Вершинин. Жадово хватая ртом воздух, дроглым сорванным голосом доложил:

– Товарищ капитан! Танки!! С левого фланга... Прор-рвали оборону!.. Отходить надо! Как червей... на гусеницы наматают... – животный страх заливал мутью телячьи глаза Вершинина. Подпоротая свинцом щека дрожала, из раны частила кровь.

– Сер-ржант! – капитан, точно орёл когтями, сгорстил Вершинина за грудки и яростно встряхнул, разорвав ворот гимнастёрки. – Что, сержант? Страшно умереть за свою Родину? Да я тебе, собака, прежде наматаю кишки на свой кулак! Где Кравчук? Где твой командир третьего взвода?

– Убит! Блиндаж накрыло... Связи нет, капитан!

– Связь наладить!! Принимай взвод, сержант! Раздать гранаты! Будем бить псов броней бойными. На смерть стоять! Понял приказ?! – впиваясь в землистое лицо сержанта чёрными с фиолетовым отливом глазами, яростно прорывал ротный Танкаев.

Он хорошо помнил, как воспрял духом сержант, а на его окаменевших скулах слабо загорелся румянец решимости и надежды выстоять, выжить.

Вершинин, дёргая шершавой, грязной от крови и пороховой гари щекой, щурясь от ртутного света разрывов, обжигавшего его расширенные зрачки, хрипато выпалил:

– Так точно, товарищ капитан. Есть стоять насмерть! – В глазах его больше не белел и не прыгал через скакалку страх. Капитан Танкаев, бесстрашный аварец, командир их роты, который ни разу не прятался за спины своих бойцов, – стоял перед ним; как воплощение вековой, неукротимой стихии, витающей в Кавказских ущельях, воспроизводимой в каждом поколении горцев, – стоял перед ним, готовый драться и умереть со своими солдатами, но не сдать позицию, не отступить перед стальной, огнедышащей мощью врага.

Впереди послышался тяжёлый гуд моторов. Оба прикипели напряжёнными взорами к расцвеченной всполохами холмистой воронежской степи.

...Накануне, какой-то важный краснобай из особистов, с пеной у рта убеждал офицеров штаба 472-го стрелкового полка, что де у фрицев ныне мало топлива и боеприпасов. Поиздержались... Что немцы-колбасники, – народ дюже пунктуальный и покуда не сунутся, не попрут... Будут следовать инструкциям и циркулярам своего вышестоящего начальства. Станут «крестовики», «псы-рыцари» дожидаться подвоза боеприпасов и топлива для своих железных «клейдесов» и «першеронов». «Что ж, гоготала ворона, как гусь, и – рот разорвала», – подумал тогда капитан Магомед Танкаев и оказался прав.

Чёрт в костёр! Всё оказалось под рукой у немцев: и топливо, и боезаряды, и всего, мать-то их... в избытке. Да только не «клейдесы» и «першеронцы» – Pz.IV – средние танки, – атаковали оборону наших бойцов, а новые «Тигры» и «Пантеры» из 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», оснащённые мощной 88-мм пушкой, способной уничтожить на то время любой танк союзников, равно, как и наш прославленный Т-34. Что уж тут говорить о нашей матушке-пехоте, которая для борьбы с танками противника была оснащена, отнюдь, не лучшим противотанковым средством! 14,5 мм – ПТРД (противотанковое однозарядное ружьё системы Дяттерёва) полностью изготовлялось из стали, разве, что за исключением деревянной pistolетной рукоятки и весило более 17 килограммов! С ума сойти... Такая гиря на марше – отрывала руку солдату... А ведь при помощи этой «очугуневшей» руки ещё требовалось метко поражать цель! Но главное, даже не это... русский солдат неприхотлив и трёхжилен... ПТРД было практически бесполезно против немецких тяжёлых танков с лобовой бронёй толщиной от 100 мм. От башен этих стальных монстров бронебойные заряды ПТРД отскакивали, как орехи, не нанося противнику должного повреждения. Удел этих «дур», как в шутку, сами стрелки называли противотанковые ружья, – был: лёгкие и средние танки врага типа Pz.III или Pz.IV, броня которых не превышала 25 мм. Лишь жаркий «поцелуй» с бронёй этих машин, мог давать шанс на успех.

* * *

...Грозный, лязгающий рокот стали усилился, оглушил, своей мощью и рёвом, вогнал в оцепенение, зашевелил корни волос. Они ещё не видели их, но сквозь толстые подмётки своих, набухших от сырости сапог, вдруг ощутили, как дрожит и содрогается под неимоверной тяжестью неприятельских танков земля. Бруствер, усиленный камнями и щебнем начал местами крошиться и осыпаться, как гнилой сыр, когда внезапно из огня и дыма на расстоянии пятисот метров показались угрюмые, скошенные, бронированные лбы немецких танков.

«Один, два, ...четыре... семь... девять... Твою в могилу мать...» – отсчитал и поперхнулся внутренний голос.

«Сердца всей роты Магомеда Танкаева, что зарылась в мёрзлую твердь, молотом стучали по рёбрам. Было прохладно, талый, пронизывающий до костей ветер, хватал за полы шинелей солдат, сёк лица, но горячие стежки пота, один бес, – срывались из-под касок на лица солдат. И немудрено... Таких огромных стальных чудищ, неудержимо – ходко прущих на них, ни капитан, ни его воины, ещё не видели. Жесткие стыки ребра и плоскости, рубленные сваренные швы на броне башен уклончивых от снарядов, длинные пушечные стволы и широкий, всёпожирающий, хваткий гусеничный захват тверди... ошеломил роту. Холодные сквозняки заходили в дрогнувших душах солдат, а кое-кто испытал откровенный животный ужас, скрутивший кишки, лишивший духа, даже вымолвить слово.

«Хужа Алла... Вот они железные псы!.. Выродки ада... Хозяин земли, тот, кто её пашет...» – непроизвольно мелькнуло в голове Магомеда, старое, горское, вечное. И теперь проклятый враг властно и нагло перепашивал её многотонными танками, из-под зубчатых гусениц которых, как саранча, жирными ошметьями летела земля. Родная земля их великой страны народов.

В какой-то миг Магомеда внезапно пронзила калёной стрелой жуткая тоска; он испытал невыносимую слабость, от которой замозжало в коленях и в дёснах, зубами...

Смерть приближалась, а он был к ней, убей – не готов. Каждая клеточка, каждая пора его были переполнены пульсирующей жизни; грудь была вместилищем горячего дыхания, яростного, сильного биения молодого сердца. Аварского сердца, – острых переживаний и чувств. С этим он мог бы прожить долгие годы, пытливым усилием разума, страстной молитвой добиваясь ответа, зачем пришёл в этот мир? В чём смысл его появления на свет? Каков истинный замысел Творца, через родителей, давшего ему познать земную жизнь – её радости и страдания.

...Танки, выбрасывая в сырой воздух столбы сизо-чёрной гари, оставляя за собой глубокие, промятые, рыхлые борозды, хищно пригнувшись стволами к изрытой воронками земле, подошли на четыреста метров. Магомед кожей ощущал каждый сожженный машинами метр, как медленное неотвратимое приближение гибели, которая ждала его и бойцов не в больничной палате под опекой врачей, не на смертном одре в окружении печальной, безутешной родни, а здесь. В стылом, охваченном первой весенней хлябью, безымянном поле... Душу заклёвывало – изъедало, гнетущее ощущение сего последнего, проживаемого им отрезка времени, среди предрассветных дымных, талых снегов; вспыхивающих, как диковинные звёзды осветительных хвостатых ракет и разрывов; всезаглушающего рёва моторов, лязгающих гусениц, и загнанного стука сердец его окопавшейся роты, которой он отдал приказ: «Стоять насмерть!»

... Всё это кипящей стремниной пронеслось в сознании и напряженных жилах Танкаева в считанные секунды. В следующее мгновение лицо его отвердело; в горячих глазах сомнений-растерянности, как ни бывало. Чёрно-карие, с огнистыми, гранатовыми зрачками, – они брызгали лихой, дикой ненавистью.

Перехватив автомат, напрягая под воглой шинелью крепкие плечи, он закричал своим воинам сильным голосом, который, перекрывая рокот моторов, прозвучал, как раскат грома, летевший от окопа к окопу:

– К бо-ою! Бронебойщики, гото-овсь! Всем дер-жаться!

Стрелять по моей команде-е! – не жалея проклятий в адрес врага, хватая ртом прогорклый воздух прокричал капитан.

И тотчас, будто услышав, его грозно-злые ругательства, оглушительно рывкнул головной танк. Раскалённый плазменный шар вырвался из аспидного жерла ствола, промерцал секундной вспышкой, превращая, каждую соринку и волос в слепящую слюду... Не долетевший двадцати саженей до траншей снаряд выворотил огромный ковш парной чёрной земли, наспигованный осколками смертоносной стали. В лицо Танкаевушибануло жаркой волной, кусок липкой, колючей, как наждак грязи шмякнул ниже левой скулы. В сердцевине груди капитана, словно одубело то, что ещё недавно, до танковой атаки ритмично и бодро гоняло кровь. Он ничего не чувствовал, кроме гудящего звона в ушах и порохового удушья.

– Шакалы!.. – сквозь кашель прохрипел Магомед, но уже без адреса, судорожно думая, сразу обо всём происходящем, готовясь к броске для смены позиции. В какую-то секунду он выхватил краем глаза, бегущего по траншее к третьему взводу Вершинина. Сквозь плёнку слёз, выбитых взрывом, капитан отчётливо запомнил, дёргавшуюся в такт перебежкам и прыжкам твёрдую, бурую щёку сержанта, защитного цвета хаки полусферу, съехавшей на бок каски... И в то же мгновение произошло, что-то молниеносное, чудовищное. Правый висок Магомеда опалило горячим ветром, сильно качнуло к брёвнам траншеи, а перед его глазами вместо окатистой верхушки каски оказался лишь зелёный обод, тут же упавший на грудь сержанта. У Вершинина не было больше каски, не было и макушки черепа, чисто срезанный осколком снаряда. Непостижимо и жутко, сержант пробежал ещё два-три шага и канул за обугленным бруствером.

Вай-ме! Он мог поклясться: как ясно услышал и будто сам ощутил мерзкий капустный хруст раздираемой плоти: нарастающая волна кипящей душевной боли полымем прошлась по его телу от груди до горла, звенящими стеклянными иглами воткнулась в уши...

– Бронебойщики-и! По передним танкам! Ого-онь!! Заряжа-ай! Ого-онь! Заряжа-ай!..

...Встречный натиск «тигров» и «пантер» из 2-ой танковой дивизии СС «Дас Райх» был ужасен. Эти непробиваемые, с бело-чёрными крестами на башнях и бортовых экранах бронированные машины, казались, заговорёнными, не знавшими преград. Они гнали перед собой смертоносный спрессованный воздух, разрывая его гулками выстрелами пушек и кроя пулёмными очередями.

Твою мать!..Фашист бил и утюжил так – башки не поднять! Ближний к Танкаеву танк зловеще поворотил широкую, приземистую башню, дуло хищно выискивало цель – пулёмный расчёт, – и харкнуло длинной огненной метлой, послав шаровую молнию. Снаряд с дьявольской точностью достиг цели, взметнув к дымному небу расщеплённые брёвна, косматую стену земли и бездыханные, словно тряпичные, тела стрелков из 1-го взвода.

Пахнуло душным паром огромного мясного казана. В развороченной, осыпавшейся теснине окопов, сквозь копоть и чёрную гарь дрожал и курился желтушный воздух, ровно в нём исчезала и гасла уничтоженная материя, будто в нём плясали демоны... Не то крутились, изгибались и, мерцая прощальными искрами, уносились в небо души погибших защитников.

Уф Алла! Магомед лихорадочно огляделся. Забитые глинистым крошевом скулы командира корёжила судорога. Рассвет дёргался короткими вспышками: ртутно-красными, оранжевыми, лиловыми, рыжими... Вспышки озаряли орущих, стреляющих, перебежавших с места на место людей, умирающих, тщетно хватавших руками воздух. Бойцы шарахались от взрывов, прикипали к земле, снова стреляли, снова гибли и снова меняли позиции. Бой засасывал роту капитана Танкаева в гибельную воронку, пережёвывал железными челюстями, заворачивал в огромный вонючий войлок, прожигаемый багрово-красными взрывами. В ноздри шибало взрывчаткой, палёным мясом-сукном, горелой костной мукой и сожженной в пепел землёй...

Магомед в яростной злобе шваркнул ладонью по плоскому рифлёному диску ДП. Ствол был горяч, как раскалённый на огне вертел, – ручной пулёмёт Дегтярёва, простой и надёжный, точно по колдовству – заклинило. Рядом у ног капитана, уткнувшись лицом в пропахшую солдатской кровью и мочой слякоть, лежал труп пулёмтика Степана Каткова; пули искромсали его грудь, превратив в решето.

– Иай, шайтаны! Будьте вы прокляты! Пристрелялись суки! – сатанея от свинцового шквала огня и всепожирающего горлового рокота вражеских моторов, харкнул спёкшейся слюной капитан. Он вдруг снова почувствовал, зашевелившийся меж лопаток игольчатый ужас, желание кинуться вспять, расступиться на пути этих беспощадных, непробиваемых машин. Ужас его был от отчаянья, от невозможности удержать на месте танки противника, пробить их панцирь, заставить гореть, приколотив их чавкающие гусеницы к земле. Впрочем, ужас длился не больше секунды, переплавляясь в слепое бешенство, в стремление поскорее подпустить этих пятнисто-полосатых чудищ и взорвать себя вместе с одним из них тяжёлой связкой противотанковых гранат.

И...о чудо! Он вновь, как тогда под Смоленском, в июне 41-го, когда вместе со своим взводом получил первое боевое крещение, – будто услышал с пламенеющих Небес голос отца Танка: « Бисмилах...Сын мой! Мы все стоим на плечах наших предков...Смотрим их глазами по-новому на окружающую жизнь, живём их адатами и чтим их могилы... Если мы помним о них, они оживают в час беды и наполняют нас верой и силой... Ты, сможешь победить, если будешь слушать священный голос предков. Помни, из какого ты рода, сын. Чти смелость неистового Хочбара, храбрость и непреклонность своего деда – мюршида Гобзало! Бей врага, презирая смерть! Страх не родит героя, говорят наши горы. Только огонь делает железо мягким. Так сделай броню врага мягкой, как воск!»

Потрясённый услышанным, снизошедшим, – ещё сильнее воспрял духом капитан Танкаев. Закинув на плечо ПППШ, крепче перехватив связку гранат, он, по-волчьи увёртываясь от осколков раскалённого металла, бросился вдоль траншей, поддержать боевой дух оставшихся взводных и мужество рядовых своей роты. Трассирующие пули немцев прочёркивали, оран-

жевые-малиновые строчки, поднимали кремнистые вихры мёрзлой земли; щёлкали по каменистым насыпям брустверов, отскакивая от булыг, как брошенные окурки. Но Танкаев ловко прижимаясь к стенкам траншей, пригибая корпус к земле, перескакивая через трупы, сквозь пули домчался до пулемётного гнезда третьего взвода, погибшего старшего лейтенанта Кравчука. Магомед уже видел пулемётный расчёт, стрелков, густо залёгших за щербатым бруствером, когда неожиданно напоролся на повороте на двух солдат из своей роты. Тут же признал их: Сысоев и Гавришев. Оба были легко ранены; лица цвета олова – чугуна, в запавших глазах плескался неудержимый страх. Бойцы замешкались в нерешительности, столкнувшись, лоб в лоб с командиром. Было видно: сейчас дрогнут и побегут. Дикое, напряжённое до предела молчание, растерянные взгляды не сулили устойчивости... Одержимые паникой бойцы, попытались шарахнуться вперёд, обойдя командира. Но железная рука Магомеда схватила за ворот одного из них, припечатала к брустверу.

– Стой! Куда?! Богом клянусь, застрелю, как собак! – чернильно-золотое, фиолетовое дрожание яростных немигающих глаз парализовало стрелков. Но, обезумевшие от кромешного ада, оба молчали. Незримые железные костыли страха, которые вбили в их разум танки СС, сделали их глухонемыми, лишили понимания, раздробили действительность на множество осколков, кои теперь – перед ожесточённо-суровым лицом ротного, силились соединиться, но костыли страха мешали, застряв глубоко, превратив их в ничтожества.

– Ты кто? – капитан впился горячими глазами в солдата, которого крепко держал за ворот. Жгучая, неуёмная, кавказская сила хлынула в рядового из этих чёрных глаз. Окатила изнутри кипящим потоком. Пропитала каждую заледеневшую клетку, растапливая в ней застывшую кровь. Мозг рядового начал оттаивать, но поселившийся в нём страх не исчезал, трогал изнутри ледяными перстами. Солдат вконец растерялся. Этот одержимый капитан, угрожал ему теперь больше, чем наступающий враг и готов был сейчас сделать с ним что-то жуткое, вроде смерти. У него дрогнули пальцы, сжимавшие автомат. Зубы стучали – будто телеграфировали о беде.

– Не ёрзай, отвечай! – Магомед метнул взор на второго. Тот испуганно потянулся к ротному командиру, надеясь на милость, пытаясь, достучаться до сердца капитана, но в ответ получил огненный, полный презрения и гнева взгляд, будто пуля обожгла скулу. – Ну!..

– Да как же?.. Разве не признали? Пулемётчик Сысоев, третий взвод, товарищ капитан.

– Где твой взводный, лейтенант Сорокин?

– Не могу знать! Танки прорвали оборону... това...

– Вр-рёшь, шайтан! Где твой пулемёт, Сысоев?

– Разбит, товарищ капитан. Больше половины наших полегло! Почему артиллерия не даёт огня? Почему молчат наши пушки?!

– Будет ли помощь, капитан? – истерично встрял Гавришев. Его пальцы лихорадило – будто вынули кости и вместо рук болтались пустые перчатки.

– Будет помощь! Обязательно будет! Комполка Березин своих не бросает! Прекратить панику. Разве не мужчины вы? Зачем орёте как бабы? Вот что!..

Очередной ахнувший взрыв танкового снаряда, заставил угнуться, швырнул в лица тугой шмат жара, щедро осыпал землёй, словно им на каски и спины кто-то зло бросил по здоровущей лопате суглинка. Все трое почувствовали тёплый запах взрывчатки, парной дух размороженной взрывом земли. Но Магомед ровным счётом не обратил на это внимания; тряхнул за плечо ошалевшего Сысоева и, скаля белые зубы, прорычал ему в ухо:

– Беги по траншее, брат, собирай всех, кто ещё жив. На этой высоте займём оборону! Приказ ясен?

Решимость и воля неустрашимого капитана Танкаева были столь велики, столь заразительны и ударны, что расщепили страх и отчаяние, надломленных духом солдат.

– Так точно! – смело и радостно осклабился Сысоев, обнажая редкий штакетник, прокуранных зубов. – Всех соберу, кто жив.

– Есть исполнять! – уже на бегу, кланяясь пулям, крикнул боец.

– Рядовой Гавришев, за мной!

* * *

Капитан с бойцом насилу пробились к расчёту. Занявшие оборону солдаты, не жалуясь на судьбу, и косившую их смерть, – дрались отчаянно, показывая подлинные чудеса храбрости, героизма и беззаветного служения Родине.

Магомед с первого взгляда оценил обстановку. Она, на изглоданном снарядами рубеже, была близка к катастрофе. Начавшаяся на раннем брезгу артподготовка, перепыхала мёрзлую твердь взрывами и нащиговала её свинцом и сталью, как ревнивый хозяин, знающий в сём толк, нащиговывает свою колбасу чесноком и специями. Огненный шквал, захватывал своими вспышками, рокотами, косматыми дымами всё новые и новые площади.

Сердце капитана на миг сжалось в груди, зависло на нитке, от невыносимой душевной боли. От его роты за час боя осталось, дай Бог, одна треть. На глазах, среди непрерывных взрывов и пулемётных очередей гибла его рота. Его лучшие и преданные воины, бесстрашно умиравшие в окопах, выполнявшие приказ командира пока – «стоять насмерть». И он, ответственный за своих солдат, кроме собственной жизни и жизней своих ребят.

...Танки фашистов, неведь почему, задержали своё триумфальное продвижение, не доходя до огневого рубежа трёхсот метров.

Грозно урча моторами, они выжидали чего-то, время от времени, разрывая кровавый рассвет грохотом и огнём выстрелов, окутывая траншеи завесой попаданий. Короткие прицельные пулемётные очереди немецких танкистов жалили будь здоров, – не давали солдатам поднять головы.

* * *

Точным, быстрым броском он скатился к расчёту. Занял позицию. У пулемёта пластами лежали номера: наводчик Александр Бушков, жарил без передышки, впустую растрачивая диск; около него стонал раненный в грудь совсем молодой солдат Пашка Симутин, призванный из Рязани, не то из Костромы.

– Гады упёртые... Ненавижу! Суки... – костерил немцев Симутин. Видно было: его муки были невыносимы. Ему хотелось рыдать от боли, но тщетно. Рыдания зарождались где-то в глубине его естества, рвались наверх, но не достигали пересохших губ, не воплощались в слёзы, но тяжёлыми камнями срывались на дно души, вырывая лишь жалобный стон. Новобранец чуть приподнял голову. В проёме блиндажа, среди сломанных балок и пробитых снарядом перекрытий, окружённых тлеющей ветошью и рваньём маскировочной сетки узрел край белёсого неба, тающие звёзды... Повернул лицо и увидел ротного командира. Через силу, как смог, дрогнул губами, – улыбнулся любимому командиру. Капитан Танкаев, преодолевая эмоции, одобряюще кивнул Павлу, приметив на посиневшем, измождённом страданием полудетском лице этот влажный слабый оскал.

– Прямой наводкой... быют псы... Ишь, как утюжат гансы. По мёртвым бы так... не лупили. Так ведь, товарищ капитан?

Магомед видел, как на груди Симутина, принявшего на этом рассвете свой первый бой, пузырилась кровь, видел, как синюшно белело лицо, и дрожал в муках серо-фиолетовый рот. Забывая о злобном свисте пуль, капитан склонился над юным бойцом.

Уф Алла! Пашка Симутин был почти так же «желторот», как и его младший брат Сайфула, что остался при матери и отце в далёкой родной Ураде. Быть может, немногим старше, двумя-тремя годами... Горло капитана сдавили клещи отчаянья, когда он мельком взглянул на хлюпающую кровью рану, – понял, – рана от разрывной пули – смерть Пашке, и ясно узрел смерть в его обволоченных мутью, светло-серых глазах.

– До свадьбы, заживёт! – подмигнул он, и тут же гневно зыкнул, на остервеневшего Бушкова: – Пр-рекратить огонь! Какого чёрта...патроны переводишь, индюк?! Готовь гранаты, стрелки! – капитан силой оттолкнул от пулемёта олютевшего Бушкова. И, хватая горячим взором всех сразу, вздувая на горле верёвки сизых жил, гаркнул:

– Ну, орлы! Пробыл наш час! Живы будем – не помрём! Всем приготовить связки гранат! Подпустим эти утюги поближе и жажнем. Воллай лазун...Через нас не пройдут!

Стрелки бросились исполнять приказ. Однако Бушуев ни на шаг не отступил от своего пулемёта. Две связки гранат уже угнездились под его рукой, в выбитом сапёрной лопаткой углублении.

– Сволочи, мать вашу в трещину... – глухо и зло прорычал он, склонясь к земле, хватая ртом снег, ощущая его холодную, хрусткую сладость. Его матерная брань касалась как немецких пулемётчиков, костью в горле, мешавших перебежкам бойцов, так и своих полковых артиллеристов, будто напрочь забывших о существовании их роты. – Сукины дети!.. Где огневая поддержка? Где пушкари? Где миномётчики, туды их в качель...раздолбаев...Что ж мы, товарищ капитан...из олова чоль отлиты? Аль из железа? – Он крепче упёр в ноздрястый снег пулемётные сошки, жадно затянулся обугленной самокруткой, и, дёргая заросшим седоватой щетиной кадыком, с ожесточением прохрипел:

– Да их же гадовъё медноголовое...нуть, не черта не берёт! Хана нам, товарищ капитан. Добро вам говорить, командир: «Через нас не пройдут!» Оно...можа и так. Да только вы ишо молодой – несмышлёный. У вас подиж-то ни робёнка, ни кутёнка! А у меня четверо ртов под Воронежом осталось, жена на сносях, мать-старуха...Ишо бы знать, капитан, живы ли они? Али фашист – гада кончал их, али в Германию, как скот, угнал, аа!..

– Вот и бейся Бушков, за них! Бейся, не жалея себя! – не боясь встретить ожесточённый взгляд, полыхнул чёрным огнём глаз Танкаев. – Бейся насмерть! Если хочешь увидеть-обнять своих. Бейся, если не хочешь, чтоб тебя расстреляли в траншее фрицы...Если не хочешь, чтобы бездомные, поганые псы, после смерти сгрызли твои губы. Нос, уши, сглодали твои щёки и болтливый язык. Бейся и верь в удачу! Иншалла, как говорят у нас. Бейся воин, не жалея себя. У тебя хоть надежда есть! А у Симутина, – капитан сбавил голос. – Вай-ме...Ничего нет...и теперь уж не будет. А если, что и осталось...Танкаев, с внутренней горечью, бросил взор, на лежавшего Симутина, не подававшего больше признаков жизни. – Так это вера, большая вера, как это Небо..., что мы отстоим нашу высоту... И отомстим, страшно, сполна отмстим за него, за кровь всех наших ребят отмстим, – поганым собакам.

Командир роты в последний раз задержал взгляд на трупe Симутина, так быстро закончившего свой боевой путь. Свою военную тропу. Он лежал, вытянул худые руки, вдоль холодной, подмокшей кровью и талым снегом, шинели, развалив в стороны носки тяжёлых грубых солдатских кирзачей. Его бледный лоб опоясывала тёмная тень от стального окаёма каски, нос с горбинкой зримо выступал вперёд, ввалившиеся твёрдые веки были сомкнуты, сделались более выпуклыми и рельефно выступали из провалов глазниц, в которых притаилась, истаявшая ночь. Стиснутый рот, казалось, удерживал в глубине предсмертный крик боли.

«Хужа Алла... – капитан сглотнул, застрявший в горле комок. С трудом отвёл взгляд. Симутин, так сильно походил на его младшего брата Сайфулу, что сделалось не себе в двойне.

– Да-дай-ии...Такой же мосластый, голенастый волчонок...который не набрал ещё вес, не оформился в сильного, крепкого воина. Сайфула...да хранит тебя Аллах. Ты самый младший, из нас братьев, что остался за мужчину в родной сакле, не считая сестёр – Гидихмат, Потимат, Хадижат и Асият». Старший брат Гитинамагомед, на которого он с Сайфулой всегда так равнялись, после окончания военного училища, тоже теперь воевал с фашистами...Но где и на каком фронте, – Магомед не знал. Огненный смерч событий разметал их из родного

гнезда далеко друг от друга...А беспрестанно наступающий на всех направлениях, рвущийся к Москве враг, не давал возможности должным образом навести справки, списаться братьям.

* * *

...Время, спрессованное в мгновения, отпущенное судьбой ему и его солдатам для передышки, для подготовки к новой атаке, катастрофически истекло. Фрицы вот, вот должны были ударить вновь и пойти в атаку. Но Магомед, как назло, испытывал дикое переутомление, мешавшее отсечь всё лишнее и сосредоточиться на предстоящей схватке; мешавшее участвовать в возбуждённых переключках солдат со своими старшинами, с ним лично. Одновременно досаждала и мучала – тревога за своих ребят. Вглядываясь в их закопченные от пороховой гари лица, – простые, русские, смелые, он будто прощался с ними, ставшими за последние месяцы ему, – дорогими и близкими...С теми, кто готов был за него в любую минуту отдать свою жизнь, а он – за них.

Ещё десять минут назад, когда гремел бой и надвигались неумолимой железной волной танки...Он поймал себя на мысли-желании: обнять своих гибнущих товарищей, сгрести их до кучи, прижать к груди, заслонить от поглощавшей их гибели...Как отец закрывает собою своих сыновей. Как орёл закрывает собою своих птенцов.

Выбило из-под ног опору и убийственное сообщение, вернувшегося, с уцелевшими стрелками, рядового Сысоева: «Все офицеры взводов погибли». Это чёрное известие обескровило лицо ротного, придавило тяжёлой могильной плитой. Опалённая память лихорадочно выхватила из бездны времени лица боевых товарищей, воскресила их улыбки, их речи, их живые, как звёзды, мерцающие глаза...

Вот синеглазый и близорукий старший лейтенант Николай Красильников, командир первого взвода. Где он?

Убит на позиции с пистолетом в руке, осколком в голову. Воронёная сталь офицерского ТТ намертво вкিপела в его твёрдую ладонь...

Вот Сашка Безгузов, тихий, как летний вечер, знаток русской и французской поэзии. Где он?

Пулемётная пуля прошила его каску образца 40-го года, как консервную банку, и вырвала кусок черепа вместе с металлом с другой стороны, когда он личным примером поднимал боевой дух вверенного ему взвода.

Вот лейтенант Фёдор Сорокин, балагур и храбрец из Свердловска, лихо умевший стрелять с двух рук, и так же лихо умевший играть на гармошке-двурядке, ловко шаря пальцами по перламутровым кнопорям. Убит фашистами. Рядом со своими бойцами, погибшими за Родину, за эту обугленную безымянную высоту под Воронежем, лежит теперь он, присыпанный мёрзлым глинистым крошевом.

...Выжегся раскалённым тавром в памяти Магомеда Танкаева и капитан Гусев, обстоятельный, вездесущий политрук его роты. В последний раз он видел его среди развороченных снарядом брёвен и балок их блиндажа. Гусев был тяжело контужен; воткнув голову в землю, сгорбясь, как коромысло, чуть приподнявшись на дрожавших ногах, он содрогался плечами-лопатками и жутко, как бык на бойне, мычал. Из ушей его сочилась блестящая, как черешня, кровь. Около него квохтал до смерти перепуганный безусый радист Синельников. В какой-то момент политрук повернул к командиру роту своё посиневшее лицо; на шее вздутый узел чёрных вен, безумные глаза величиной с перепелиное яйцо вылезали из орбит...

А потом слепящая ртутная вспышка и всё сокрыл жаркий, косматый – из огня и дыма – занавес взрыва...

Глава 2

В декабре 1941 года на подступах к Москве Вермахт потерпел своё первое за все годы Второй мировой войны серьёзное поражение.

Первый этап советского контрнаступления успешно завершился к концу декабря, когда немецкие войска группы армий «Центр» были отброшены от Москвы на всём протяжении фронта. Что ж... хотя Калуга и была освобождена 26 декабря, Вязьма и Ржев оставались в руках фашистов в течение всей зимы. В ходе операции «Тайфун» группа армий «Центр» потеряла около 110000 человек, в том числе 24000 убитыми и 5000 пропавшими без вести. Особенно тяжёлый ущерб нашими войсками был нанесён в декабре 1941 года немецкой технике – 496 танков, 1450 артиллерийских орудий, миномётов, 830 противотанковых орудий.

Потери Красной Армии во время операции «Тайфун» и декабрьского контрнаступления оказались ещё более ужасными: Западный и Калининские фронты потеряли 350000 человек – 37% от своего списочного состава. Несмотря на советы начальника Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникова и первого заместителя верховного главнокомандующего Г.К. Жукова, И.В. Сталин решительно требовал, чтобы Ставка спланировала на январь новое наступление, в ходе которого следовало окружить и уничтожить в районе Вязьмы большую часть войск группы армий «Центр». Советское наступление в январе-марте 1942 года сильно потрепало войска группы армий «Центр», но и только... Поставленных перед ним целей, увы, достичь не удалось.

Тем не менее, неудачи под Москвой привели Адольфа Гитлера в неистовство. Он считал их результатом некомпетентности своих праздных генералов.

И то верно, источники свидетельствуют: Вильгельм Кейтль, начальник верховного командования Вермахта, был чрезвычайно изумлён, а более взбешён, что Советский Союз не только оказался в состоянии продолжить борьбу после операции «Тайфун», но и нанести армии Великой Германии тяжёлый урон.

«Летом 1941 года восточный колосс на глиняных ногах готов был рухнуть под ударами немецкого оружия. Стальные жернова германского наступления перемололи первую, и, пожалуй, лучшую регулярную армию русских, с чудовищными потерями откатывавшуюся всё дальше на восток. Возникает закономерный вопрос: какая ещё армия в мире смогла бы устоять после таких сокрушительных ударов, не приди ей на помощь бесконечные русские просторы, неисчерпаемые людские резервы и жуткая русская зима?»

Что же до фюрера Третьего Рейха, то у него особое неудовольствие вызывало то, что его солдаты – лучшие в Европе – не смогли остановить советское контрнаступление зимой 1941 года. Доверие Гитлера к своим военачальникам было сильно подорвано провалом операции «Тайфун». Неистовый фюрер начал с того, что 19 декабря уволил со своих постов главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Бока. В течение следующих недель своих высоких должностей лишились трое из этих шести командующих армиями (Гудериан, Гёпнер и Штраус) и четверо из 22 командиров корпусов (фон Швеппенбург, Фёрстер, Гейер и Вэгер) группы армий «Центр».

Неудача операции «Тайфун» была первым крупным провалом Вермахта в годы Второй мировой войны. Немецкое Верховное командование было совершенно убеждено в успехе наступления на Москву, но при этом распылило силы (направив войска на Калининское и Курское направления) в тот момент, когда особенно важна была их концентрация, – «не разверстая перчатку, а сжатый стальной кулак». Кроме того, для немцев и впрямь весьма серьёзной проблемой стала русская погода: дикая распутица в октябре и суровые трескучие морозы в конце ноября и в декабре.

Однако, на деле, решающими оказались два других фактора. Во-первых, у немцев возникли серьёзные проблемы со снабжением – германские танковые части не могли столь же решительно наступать из-за нехватки топлива. Во-вторых, красноармейцы проявили беспримерный, в лучших традициях армии, героизм и самопожертвование, а эффективные, энергичные действия командования Красной Армии мобилизовали все ресурсы для судьбоносного прорыва в конце октября и в начале ноября. Вермахт был приведён в замешательство тем, что Жукову и Шапошникову удалось остановить немецкое наступление и создать немыслимые резервы для контрнаступления уже в начале декабря. Немецкие генералы и адмиралы были убеждены, что они уже уничтожили советскую армию, сломали ей хребет, и что заветно-ненавистная Москва большевиков сама упадёт в их руки, как зрелый фрукт. Но Бог мой, как жестоко они ошибались!

И вот первый итог: сентябрь-декабрь 1941.

Операция «Тайфун» – немецкое наступление на Москву осенью 1941 года – стала одним из решающих сражений Второй мировой войны. Считавшейся доселе, во всём мире – несокрушимым Вермахт – был остановлен на подступах к Москве, которую в свои бинокли отчётливо видели немецкие офицеры. Наступление непобедимых танковых армий так и не сумело пробить Красный щит обороны. Продвижение знаменитых фашистских дивизий безнадежно потеряло набранный темп и застопорилось. Красная Армия – перешла в наступление и в ходе героических, невиданных прежде кровопролитных боёв, ценою великих, невосполнимых жертв, заклятый враг был отброшен от столицы нашей Родины – Москвы на всём протяжении фронта!

Конечно, победа советских войск в битве за Москву, ещё не поставила немецкую армию на грань катастрофы... Но это великая победа воистину нанесла сокрушительный удар по психике и боевому духу гитлеровской армии и её блестящих генералов, не знавших до этого решительно ни одного поражения.

* * *

В конце 1941 года Адольф Гитлер, непоколебимо веруя в священную миссию Третьего Рейха, в свою личную мистическую неуязвимость и предназначение, взял на себя непосредственное командование всеми войсками на Восточном фронте. После долгих колебаний и совещаний со своими маршалами, взвесив все «про» и «contra», он, наконец, принял волевое решение, что в предстоящей кампании 1942-го войска в центре и на севере Красной России будут вести последовательные оборонительные бои, в то время как главный, определяющий удар будет нанесён на юге с целью захвата богатых нефтяных месторождений Северного Кавказа и Баку. Однако в этот момент он ещё не решил, стоит ли сначала захватить располагавшийся на Волге Сталинград, чтобы перерезать пути транспортировки нефти на север, или же сосредоточиться исключительно на Кавказе. Подобная двойственная позиция немецкого командования сохранялась на протяжении всей последующей кампании.

Фактически операция, получившая кодовое наименование «План Блау», была последней возможностью для гитлеровской Германии нанести сокрушительное и окончательное поражение советской армии. Верховное командование создавало, что весной 1942 года немецкая армия была ещё не в лучшей форме для проведения общего, тотального наступления на всех фронтах.

К середине июня 1942 года, после поступления свежих, усиленных подкреплений, численность Вермахта на Востоке составила 3,13 млн. человек, что всего на 90 тыс. превосходило численность германской армии в начале операции «Барбаросса». Во время кампании 1941-го Вермахт потерял наиболее подготовленных испытанных солдат, и к лету 1942-го немецкая армия была качественно более слабой, чем в июне 1941 года. В этой ситуации фашистское командование предприняло решительную попытку лишить Советский Союз возможности продолжать войну, развалив его военную промышленность путём хищнического захвата нефтяных ресурсов.

Как Бог свят! Великой Германии и её фюреру, как никогда прежде – необходим был реванш. Огромная чёрная тень железного орла Третьего Рейха вновь нависла над нашей многострадальной Родиной. Но теперь стальные перья его могучих крыльев бросали тень не только на Ленинград и Москву, но и на Сталинград, и на горные пики Седого Кавказа.

В ту роковую пору, воодушевляя и благословляя своих генералов и их дивизии на новое наступление на Восточном фронте, Адольф Гитлер, в неистовом порыве, сжав кулаки у груди, во всеуслышание, провозгласил: «Видит Бог! Наши силы обрели решающую, прежнюю мощь. Во имя священной идеи Великой Германии, во имя Третьего Рейха, – мы одержим победу над варварами на Востоке!

С железными сердцами...нам надлежит смело идти вперёд только к победе! Каждый должен сражаться и умирать на своём посту. Эта война до победного конца. Если необходимо...сыны Великой Германии будут драться до последнего солдата!»

В июле 42-го, Иосиф Сталин, ознакомившись с этим пафосным заявлением Гитлера, сказал своим командармам: «Что ж, товарищи...совершенно понятно, что хочет этот безумец... – и повторил свою фразу, сказанную прежде, в октябре 41-го. – Если немцы хотят истребительную войну, до последнего солдата...они её получают! – А чуть погодя, сладко затянувшись трубкой, через раздумчивую паузу добавил: – Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

* * *

Страшные, невиданные прежде миром силы стягивались на юг нашей страны. Равно вторжению жестоких монгольских орд и нашествию полчищ Наполеона, родная земля теперь стояла и содрогалась под гусеницами, колёсами и сапогами железной машины Вермахта. Кто жил и кто воевал в то лихолетье, тот помнит и никогда не забудет, как сутками, неделями, месяцами, гудело над городами и сёлами нашей страны небо; как надвигались лавины вражеских танков, как под ковровыми бомбардировками вражеской авиации и массированным огнём артиллерии сметались с лица земли целые селения, в зловонные руины превращались цветущие города, и гибли десятки, и сотни тысяч ни в чём не повинных гражданских лиц... Как жутко перекипала и корчилась в огне наша земля, как в охваченные пламенем и дымом разрушенные города триумфально, под музыку входили колонны немецкой мотопехоты, и как по гулким мостовым грохотали тяжёлые машины и орудия оккупантов. И надо понимать и всегда помнить впредь: лютый беспощадный враг, вероломно вторгшийся на просторы нашей Родины, приходил, отнюдь, не только ради богатств и наживы...Он приходил, как хозяин, как властелин мира, что бы остаться здесь навсегда. Враг приходил за кровью наших советских людей...Желая большую часть уничтожить физически, но крепких и молодых сделать своими рабами! И следует клятвенно помнить всем: в этой чудовищной Великой войне Красная Армия спасала и спасла не только своё Отечество, но и весь мир от самой страшной опасности, которая когда-либо угрожала Человеку.

* * *

Ну, а пока...Пока был март 42-го и до победы было ещё отчаянно далеко.

Прощальная тревожная тень, истаявшей ночи, легла на холмистую степь. Солдаты 100-й стрелковой дивизии, в состав которой входил 472-й стрелковый полк, в коем служил капитан Магомед Танкаев, два дня к ряду томился в напряжённом ожидании боя, а их комполка Березин со своими офицерами штаба сосредоточенно изучали оперативные карты; сапёры с иступлённым упорством муравьёв продолжали сооружать минные поля на направлениях немцев, да только не просто было перекрыть Вермахту дороги, ведущие к Москве.

Между тем, к весне 1942 года на фронте произошли серьёзные изменения. Немецко-фашистские войска начали энергично готовиться к главной летней операции – к удару в сторону Сталинграда и Северного Кавказа. Весеннее наступление они начали ударом на Воронежском направлении (операция «Синяя»)

«Боевые действия войск под Воронежем были весьма заметным этапом сражений Великой Отечественной войны. Сам город находился на острие двух направлений наступления гитлеровских войск – со стороны Щигры и Волочанска. Сюда, на Воронежское направление, были брошены отборные соединения пяти танковых, трёх моторизированных дивизий противника.

Крайне тяжёлая обстановка в районе Воронежа осложнилась ещё тем, что действовавшие там войска не успели восстановить свои силы после огромных потерь, понесённых в ходе предыдущих боевых действий. Даже перейдя к вынужденной обороне, они так и не смогли должным образом закрепиться на новых рубежах, а резервы были израсходованы подчистую.

К весне 1942 года положение советских войск резко ухудшилось тем, что на Воронежском направлении их оборона была подобно решету и в одном месте прорвана. Между Брянским и Юго-Западным фронтами образовалась опасная брешь. Путь к Дону и Воронежу для вражеских войск был открыт. Немецкие танки стальным клином прорвались к реке Дон, и над Воронежем нависла смертельная опасность. К 12 июля 1942 года гитлеровцы овладели западной правобережной частью разрушенного города. На Верхнем и Среднем Дону развернулись ожесточённые, кровопролитные бои. Дело принимало крайне опасный поворот и грозило катастрофой.

Чтобы остановить, всё глубже вгрызавшегося противника, решением Ставки на Воронежское направление были спешно выдвинуты несколько стрелковых, танковых соединений, а также артиллерийских, инженерных и других частей и подразделений. На этом же круге, решались и организационные вопросы. В целях улучшения управления нашими войсками на Воронежском направлении был ускоренно создан Воронежский фронт во главе с генерал-лейтенантом Ф.И.Голиковым.

В этой чрезвычайно обострившейся обстановке 100-я стрелковая дивизия получила приказ выступить в район Воронежа. Части её стремительно поднимались по тревоге и выходили к железнодорожной станции для погрузки в эшелоны. Путь, пропахших мазутом и прелой соломой эшелонов, пролегал через Москву, Рязань, Графскую. Конечным пунктом была железнодорожная станция «Анна», что вековала в 80 километрах северо-восточнее Воронежа. Немецкая авиация, подобно стаям стервятников, не раз налетала и пыталась бомбить и обстреливать эшелоны, однако на удивление и счастье, нанести серьёзных потерь, прибывшему соединению ей так и не удалось.

В пути следования командиры, политруки вели неустанную воспитательную работу. Всё видящее око НКВД зримо и незримо было повсюду. И многие офицеры, не смотря на свой ранг и звание, крепко ощущали на себе зловеще-гнетущий взгляд этого ока – как будто к их щеке, затылку, лбу или виску накрепко прилип стригущий либо чешуйчатый лишай.

Тем не менее, правды ради, надо сказать: среди обычных политработников было довольно и стоящих, достойных, искренне убеждённых в своём деле людей. И Магомед, вместе с другими молодыми офицерами, чувствовал и понимал это.

Он хорошо помнил, как перед отправкой на фронт командир дивизии, его замполит и начальник политотдела настойчиво пытались учесть имевшиеся в агитационно-пропагандистской работе «сбои», «занозы» и «недочёты». На остановках, и на привалах, на марше проводились митинги, собрания личного состава, горячие, но чаще задушевные беседы с бойцами. И право дело, в результате многие воины подали заявления о вступлении в партию, в комсомол. Словом, морально-политическое состояние личного состава 100-ой стрелковой дивизии было на должном уровне. И главное политуправление (ГлавПУР), под руководством Л.З.Мехлиса, могло быть спокойно.

И снова дорога, снова бесконечный журчливый лязг вагонных колёс, поля, перелески, мелкие закопченные полустанки и снова бесконечные поля... Паровоз, фыркая и выбрасывая струи искр и дыма, будто хотел сожрать весь мир, упрямо пёр по железной тропе, состав кир-

пично-коричневых вагонов, гружённых солдатами, орудиями, артиллерийскими лошадьми и фуражом, на Воронеж, до станции с нежным, отнюдь, не военным названием «Анна».

* * *

В одном из дощатых вагонов, привалившись плечом на вещевые мешки, стоял Магомед Танкаев. Мимо приоткрытой двери вагона скользила русская, столь необычная взору горца, аварца, равнинная земля; вдали тянулись яблочно-голубые ленты лесов, полуразрушенные церквушки с куполами без крестов, тёмные крыши крестьянских изб и, покосившихся изгородей.

Солдаты хрустели чёрными сухарями, изводили табак самокруток, неверно переступали, чувствуя зыбкую опору под сапогами. Говорили мало. Большинство думали о своём, сокровенном, родном. На замкнутых сосредоточенных лицах воинов читалось смешанное чувство глубокой тревоги и такой же сильной решимости.

В вагонах пахло степной полыньёю, конским и людским потом, вешней ростепелью, и далёкие белые стада облаков маячили на горизонте, – задумчивые и недоступные, как снежные пики Кавказских гор.

И его душу тоже терзала-когтила неизбывная горечь-печаль о родной Ураде, доме, о горячо любимом отце и матери – Танка и Зайнаб, о младшем брате Сайфуле, о своих дорогих сёстрах. И он, советский офицер, ехавший на войну, как и тысячи других, не знал... свидится ли с родными ещё раз...

* * *

Выгрузившись из эшелонов на конечной, ничем непримечательной, железнодорожной станции Анна, дивизия совершала марш и сосредоточилась вблизи райцентра Давыдовка. Распутица была жуткая. Люди и лошади вымогались из последних сил. Шли всю ночь, часто оскальзываясь, падая в ледяную слякоть; матерились, снова поднимались, и снова шли. Стужа была – не приведи Бог. Все продрогли, зуб на зуб не попадал; то и дело приходилось помогать артиллерийским расчётам, вытаскивать орудия, по оси, утопавшие в снежно-грязевой каше. Надо ли говорить, что после выполнения сего марша, солдаты волочили ноги едва-едва. Густая грязь, пудовыми гирями прилипшая к сапогам, срывала последние с ног... Радовало одно: не смотря на все тяготы пути, у большинства бойцов на душе воцарилось должное равновесие. Чертовски хотелось передохнуть, но больше солдат покуда не мучили ни горести-печали, ни заботы. Стрелки лишь крепче запахивались, круче поднимали высокие воротники грубых, колючих армейских шинелей, – железный ветер сёк и хлестал по задубевшим лицам так, что от стужи нельзя было вздохнуть всей грудью. Наконец из райцентра Давыдовка, за версту от колонны, донёсся гулкий собачий лай, и солдаты, идущие в ночи, повеселели. Луна уже скрылась, было темным-темно. Наступила предрассветная пора.

– Первая р-рота, подтяни-и-сь! Живее, бойцы! И как только мамыши вас отпустили на войну! И р-раз, р-раз! Раз, два, три-и!..

Так, почти всю ночь ротный Танкаев, вместе с другими офицерами своего полка провёл за исполнением своих командирских обязанностей.

Таких переходов и маршей за время войны у Магомеда будут сотни и тысячи, будут и куда более трудные, более рискованные и опасные – под смертоносным огнём противника... Но почему-то именно в ту, по сути, рядовую ночь, ни раньше, ни позже, – на него вдруг снизошло откровение свыше...

Теперь не могло быть ни малейшего сомнения в том, что он раз и навсегда нашёл себя в этом невероятно огромном мире, стал кадровым, профессиональным военным, по крайней мере, настолько, насколько это вообще зависело от его тела и духа.

В результате первых боёв, ещё под Смоленском, первых потерь и побед, в нём зародилось, вернее, проклюнулось и в полной мере возшло, тол неукротимое, сродни отточенному булату, – горское мужское семя, которое из века в век, суровые отцы – воины передавали своим

сыновьям вместе со священной верой и оружием предков. Прежде ему и в голову не приходило, что в этом непредсказуемом мире, ожесточеннее и гибельнее для народов его любимой страны, он, сын высокогорного Дагестана, Гидатля, Урады, сможет стать той боевой единицей, которая в стальном сплаве с миллионами подобных себе, сможет защитить Родину от железных когтей и клыков смертельного врага. Н-да...об этом прежде он никогда не думал: живя в родном селении Урада, затем учась в средней школе в Гунибе, и позже, будучи уже студентом Дагестанского сельскохозяйственного института...

«Как и тысячи юношей нашей страны, нашего огромного и великого Советского Союза, он, студент третьего курса, сразу откликнулся на призыв Отечества и 1 сентября 1939 года, в первый день второй мировой войны, стал курсантом Краснодарского пехотного училища.

20 июня 1941 года юный лейтенант М.Т.Танкаев по предписанию прибыл в войсковую часть и принял пулемётный взвод. А через два дня грянула Великая Отечественная война. Первое боевое крещение под Смоленском. Бой был ужасен, враг невероятно силён и смел. Взвод лейтенанта Магомеда Танкаева уничтожил 5 немецких танков PzKwIII, 3 полугусеничных бронетранспортёра SDKFZ 251, 47 гитлеровцев. И последний бой – 12 мая 1945 года немного севернее Праги.

Таков боевой путь Магомеда Танкаевича Танкаева – командира взвода, роты, батальона, полка. Три ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени, ордена Славы I степени, Красной звезды, множество медалей. Это награды за мужество, стойкость, отвагу, ратный труд».²

...Но всё это случится много позже, а тогда...на марше, от железнодорожной станции Анна в Давыдовку, он, конечно, ничего это знать не мог. Но...познал другое!

...В ту чёрную студёную ночь, ближе к рассвету, его неожиданно-негаданно посетило то редкое чувство-провидение, когда всё вокруг в какой-то момент кажется невероятно-удивительным, ясным и слаженным. Непостижимое вдруг становится очевидным... Так вот, в такой снизошедший на него миг, ему открылось, что мир, каким бы он ни виделся, ни казался противоречивым и сложным, подчас алогичным, он всё же устроен Творцом правильно и справедливо. Будучи убеждённым партийцем, коммунистом с 41-го года, тем не менее, Магомед, как горец, как дагестанец, в глубине души, всегда оставался человеком верным адатам и вере своих предков. Эпоха тотального, воинствующего атеизма в стране, волей-неволей заставляла людей разных конфессий, увы, скрывать и замалчивать о религиозных потребностях их душ, но она была бессильна выжечь-искоренить то, что в их страждущие души вложил Создатель.

«Бисмиллагъи рахІмани ррахІм...Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного...» – эти слова священных молитв матери-горянки, равно как и колыбельные народные, аварские песни с молоком матери вскормили его, жили в нём и никогда не умирали в душе Магомеда, где бы он ни был. Куда бы ни заносила его судьба. И голос муллы с минарета, дрожащий, высокий, превращавший в песнопение первую строку, похожий на звучание пандура тоже всегда жил в его горячем сердце. ...Витиеватый смысл сур, величаво текущих по зелёным страницам Корана, быть может, не всегда понятный ему из-за своей древней арабской иносказательности, тем не менее, был очевиден и желанно близок его душе, которая знала и разделяла священные понятия и мысли о вечном: о добре и зле, о благодати, о людской гордыне и немощи, о земных преступлениях, о судном карающем дне, о праведниках, нашедших себе утешение в вечном райском блаженстве, о всемогуществе Всевышнего, чьё знание необъятно, а мастерство не имеет, хоть каких-то видимых человеческому глазу, границ.

Хужа Алла...Так говорили и думали седобородые мудрецы Урады...Так думал и строго совершал намазы его легендарный дед мюршид Гобзало, так жил его почитаемый отец Танка... Так думал, так служил-воевал с фашистами и его сын Магомед Танкаев.

² Г. Арипов член Союза журналистов СССР, «Генерал-полковник Танкаев».

...В тот просветлённый миг, ему вдруг показалось, что сам указующий перст судьбы, сами горные духи Дагестана, мужественные предки помогали ему, иначе и не скажешь. Ему было дано ощутить себя мельчайшей пульсирующей песчинкой мироздания задуманного Создателем, но одновременно и центром мира, тем булатным сердечником возмездия, что режет и пробивает броню, вторгшегося с Запада на его землю супостата. И это пронизывающее, всенаполняющее, горячее, как огонь, чувство, право, ни с чем не сравнить. Магомед ощущал, как время сворачивалось кольцами вокруг него, а он стоял посредине и, казалось, был властен над всем сущим, что принимает форму линии, угла, круга или квадрата... Словно коневод над табуном, который он околдовал своим кличем и плетью, и лошади, как зачарованные, двигаются туда, куда он хочет, прямо к нему, от него, по кругу или ещё как... А вокруг, куда ни брось взор, и ближе и дальше, выстроились горцы: гидатлинцы, урадинцы и его бойцы, нынешние и прошлые, живые и духи, потому как всё и вся в этом и потустороннем мире связано и Тайна замысла сего велика и непостижима...

И ещё: ему в этот миг осознанно и безмерно глубоко открылось предназначение собственной судьбы, предназначения, своего выбора... Он-воин. Сын, внук и правнук воинов. Он офицер. И его священный долг: быть верным присяге и единожды данной клятве у боевого знамени; служить верой и правдой народу, и защищать свою Родину.

* * *

Командование 6-й армии Воронежского фронта поставило дивизии задачу: быть в готовности к отражению ударов противника со стороны Петропавловки, где фашисты овладели очень важным плацдармом на левом берегу Дона. Но, чёрт возьми! Уже через два дня обстановка в самом Воронеже резко изменилась и командование фронта решило срочно бросить на выручку один стрелковый полк из вновь прибывшей дивизии, в аккурат под Воронеж в распоряжение 40-й армии, которой командовал в то время генерал-лейтенант М.М. Попов.

Выбор пал на 472-й стрелковый полк под командованием Семёна Петровича Березина. Тронулись под прикрытием загустевшего лилового сумеречья. Продвигаясь большей частью маршем вдоль фронта к городу, наполовину захваченному немцами, бойцы видели жуткие следы варварства гитлеровцев. Твою мать!.. Впечатление было такое, будто из устрашающих непроглядных глубин мироздания, вырвался кроважидный, карающий Дух. Упал с огненного неба, как огромный крылатый грифон на обречённый город, впился железными когтями. И, расклевав его на куски, раздробил в нём кости, выхватил из него кишки, вырвал глаза и растерзал когтистыми лапами ещё недавно, трепетавшую, живую плоть.

Бог мой!.. Всюду, куда ни глянь, были оставлены его чешуйчатые отпечатки, глубокие ребристые следы, – рваные рытвины. Штабы полков и бригад, тыловые-инженерные службы, управления разведки и связи, полевые кухни и нужники, арсенальные и дровяные склады, армейские палатки, посты и заставы – решительно всё было перемешано, разворочено и яростно втоптанно в густую, талую грязь, по которой, чавкая сапогами в обмотках дорог, проходил плотной мрачной колонной полк Березина, проходила и рота Танкаева. Кое-кто из солдат на ходу воровато крестился, пришпорено проходил, не оглядываясь, запекая на обветренных губах мамкину молитву. И после долго берегли угрюмое молчание, пробираясь по узким бурным от крови прогалинам, спеша уйти от гнетущих воспоминаний увиденного. Да куда там!.. «От хрена уши...» И справа, и слева, и впереди, – картины всё были те же...

Что ж... в прифронтовой полосе – свои клейма, свои чеканы: в Графской, Кочетовке, Давыдовке и Масловке каждый второй дом был разрушен; тут и там огромные ямищи в виде воронок, искореженные подбитые танки, пушки, перевёрнутые повозки и санитарные фуры; уткнувшиеся радиаторами в землю автомашины, завалившиеся набок обугленные бронетранспортёры. По корявым обочинам большаков – пшеничные поля, взрытые-перепаханные осколками мин и снарядов. Тут от века засеивалась пшеница крупноколосая, овёс с тяжёлыми осыстыми кистями крупных зёрен.

– Ах, ты холера...Порода сучья!.. – сокрушались и скрежетали зубами солдаты, с детства знавшие плуг и тяжёлую судьбу хлебороба. – Тутось сеять бы подобру, а потом косить богатые хлеба...А кому? Кому, мать их еть!..

– Да-а...Война, брат, не мать родна...

– Сволочи! Даве, на повороте, видал дом? Зверьё голимое. Даже детёв грудных не жалкуют. Веришь? Зубами рвать их готов...га-дов... – пулемётчик Сысоев, состоявший из желваков и очугуневших скул, в бессильной яри сжал побелевшие костяные кулаки. Ядрёно и зло сыпанул матом.

– Погодь, земля! Успеешь ишо зубы об ихни ремни да пряжки, каски да фляжки до самых десён стереть. Эх, ма-а!..Чую, браточки, приготовил нам фриц биточки по-воронежски...Чую, кровёй харкать-срать будем.

– Семянников! Клюв закрой! – огненный взгляд ротного Танкаева обжёг рядового. – Что ты «чуешь»...Об этом, ты, своей бабе под одеялом, после войны расскажешь...если доживёшь. – Р-рота! Подтя-ни-ись! Взводные, дер-ржать стр-рой!

Глава 3

Рыскавшая впереди разведка донесла: «Впереди город...»

Колонна на ходу перестраивалась, удлинялась, свивалась в плотный железистый жгут. Батальоны шли ходко, без огней, без алых угольков самокруток. Разговоров тоже не было слышно, – только хруст талого наста, ритмичное чавканье солдатских сапог да временами приглушённый звяк столкнувшихся котелков.

Комполка Березин, верхом на саврасом коне, ровной упругой ступью задавал темп движения. Напрасно не загонял пехоту, берёт силы для трудного перехода, старался учитывать каждую мелочь. Его окружали отборные, испытанные, колыхавшие ручными пулемётами и автоматами бойцы, готовые в любой момент дать встречный бой, укрыть телами своего командира.

...Теперь, издали всем хорошо был виден раскинувшийся на холмах Воронеж, подсвеченный всполохами и зарницами взрывов. Ночной город гудел, рычал, скрежетал, лязгал хрустел – будто дьявольский с искрящейся смоляной шкурой пёс, свирепо грыз огромный не подающийся его клыкам бычий мосол. Раже и гулко ухали на периферии угрюмых развалин тяжёлые бомбы, прокатывая по цоколям и фундаментам раскатыстые волны звука. От этих глубинных сотрясений начинали дрожать и качаться косматые пожары в районах нефтехранилищ и железнодорожных складов. На тёмном чугуне туч колыхались багровые, тусклые отсветы. Через гнетущие, грозные паузы, часто надрывным огнём, принимались бить пушки тяжёлых самоходок и артиллерии, посылая вдоль ущелий улиц огненные вихри, обрушивая обугленные эркеры, стены и этажи кирпичных руин, некогда бывших домов. Тут и там на разные голоса лихорадили пулемёты, искрамсывая дымный саван ночи ядовито-малиновыми и оранжевыми трассерами, гаснувшие в липкой, сыростой мгле. Мелкими хаотичными, непредсказуемыми «тресками», рубиновыми очередями обнаруживали свои огневые гнёзда автоматчики. Либо чья-то группа разведки, рыскающая по тылам противника, напоролась в развалинах на засаду и теперь, яростно огрызаясь, теряя бойцов, пробивалась обратно, к своим рубежам.

Были отчётливо видны фабричные и заводские трубы. Казалось, они застыли в оцепенении, в ожидании своей участи – замерли, не дымили. В пульсирующем воздухе – непрерывный гул мощных моторов. И над всей линией фронта то и дело вспыхивали яркие «люстры» ракет, зависали «цепочки» и «свечи»; глаза резали бритвой тысячи колючих трассирующих пуль, подобно хищным крылатым гарпиям, жадно ищущих своих жертв.

* * *

472-й стрелковый полк следовал форсированным маршем к месту боя – Шилову с задачей – с места перед рекой Воронеж развернуться, захватить господствующую высоту 178,0, перерезать дорогу из Острогожска в Воронеж. По этой дороге противник непрерывно стягивал свои силы в город.

Давая боевое задание 472-му стрелковому полку, одному из лучших полков дивизии, захватить важный рубеж врага, комдив прекрасно понимал: это отчаянно сложная задача – с ходу вступить в бой с численно превосходящими силами противника. Однако он учитывал, что полк заслуженно является одним из самых боеспособных и возглавляет его бывалый командир, храбро воевавший с белофиннами, Герой Советского Союза, полковник Семён Петрович Березин.

Магомеду очень нравилось, как он говорил. Точь в точь, как говорили на годекане мужественные, почитаемые люди, – у него в Ураде, – медленно, негромко, но чётко и ясно. И все знали, как и там, в далёком аварском ауле, так и здесь на фронте, что за таким человеком... За его «неспешностью», «негромкостью», на деле стоит: железная воля, непререкаемая твёрдость, сила духа воина и готовность во что бы то ни стало выполнить поставленную перед его пол-

ком задачу. А посему, было не удивительно, что все его распоряжения и приказы выполнялись немедленно; «пулей», как шутили между собой офицеры.

* * *

«Возьми в пример себе героя!» – этот негласный девиз Магомед Танкаев выбрал для себя ещё в юности. Такими героями для него всегда были и оставались: легендарный земляк Хочбар, родиной коего была гордая, ни от кого независимая Гидатлинская долина. И великий имам Шамиль, его героический наиб и отчаянный храбрец Хаджи-Мурат...И его, Магомеда, прославленный дед Гобзало, конечно, почитаемый отец Танка, давший ему жизнь...И вот теперь, таким героем являлся полковник Березин. В котором соединились все те качества воина, какие страстно хотел выковать в себе сам Магомед Танкаев.

Пройдут годы...и о трёхзвёздном генерале, блестящем полководце – Магомеде Танкаевиче Танкаеве, член-корреспондент Российской академии наук, брат великого поэта Дагестана Расула Гамзатова, Гаджи Гамзатов пронзительно напишет: «В нём была гармония благородства, достоинства, чести и мудрости. Кавказец доблестной чеканки! <...>

Да, это была натура удивительно цельная и сильная, влиятельная и притягательная. Человек долга и принципа, он был первоклассный профессионал, в высшей степени компетентный, ответственный, требовательный. Вместе с тем ему были присущи такие высочайшие человеческие и гражданские качества, как мужество и стойкость, правдивость и отзывчивость, развитое чувство дружбы и чувство Родины – качества, благодаря которым личность делалась обаятельной, авторитет – непререкаемым».

..Напишут ещё очень и очень многое...Напишут достойные, известные всему миру, титулованные люди, как в нашей стране, так и за рубежом. Но...такие высокие, как полёт орла, отзывы и оценки, надо было заслужить ценой всей своей жизни, честным и благородным, не за страх, а за совесть, – служением своему Отечеству и народу.

...Придёт время, когда не он, а с него – героя, тысячи молодых людей нашей страны будут брать пример...Ну, а пока, как говорить, всё было в начале славных дел...

* * *

Между тем, была передана команда: «Командиры батальонов – в голову колонны! К командиру-у!»

Березин, не дожидаясь подхода комбатов, продолжал продвигаться впереди колонны полка к Шилово. Дальше ехать верхом на коне было равносильно самоубийству: вражеские снайперы и артиллерийские наблюдатели, были начеку, зорко следили за любыми перемещениями, и с азартом охотников, открывали прицельную стрельбу по отдельным всадникам, повозкам, автомашинам.

Первым подскакал на буланом коне к полковнику комбат А.И.Воронов. В полк он прибыл из военного училища. Рослый, подтянутый, всегда отлично выбритый и опрятный, со щегольскими офицерскими усами, с русыми волосами, зачёсанными назад, Арсений Иванович всегда был деятелен и энергичен. Вот и теперь он с плохо скрытым нетерпением ждал, оставаясь в седле, что скажет комполка. Но тот не спешил принимать решение. Командир нахмурил местами побитые сединой чёрные брови, ушёл в себя, и казалось, нервное возбуждение Воронова ничуть не трогало, не проникало в одетое в белый полушубок и перетянутое ремнями, крупное, плотное тело. Березина и впрямь сейчас занимало другое, то, что не давало ему даже спокойно выкурить папиросу. Крутые, лобастые, чутка припорошенные снегом скаты противоположного берега, заросшие редкой щетиной краснотала, делали, как назло, недоступной высоту 178,0. Зорким, набитым взглядом бывшего разведчика полковник определил, что широкая излучина реки Воронеж между Чижовкой и Шилово, обращённая в нашу сторону, покуда не занята противником. И в голове командира зародилась дерзкая мысль: используя темноту, и какой-никакой, видневшийся на скатах лесной массив, подойти к заданной высоте незаметно.

– А ты...я гляжу, всё место себе не находишь, комбат? Всё ищешь, куда себя деть, майор? – из-под собранного в тяжёлые, крупные складки лба и седоватых, словно ковыль, бровей смотрели на Воронова цепкие, изучающие глаза.

Майор зло усмехнулся. Почувствовал, как в натянутой улыбке рот его разъехался под усами в длинном узком оскале. Усилием воли подавил усмешку. Поймал беглым взглядом тёмную шишку, упавшую с тихим стуком на усыпанный сосновыми иглами глазированный наст, и, вытолкнув из горла едкий ком сомнений, по-военному кратко сказал:

– Боюсь, до чёрта ребят положим, товарищ полковник. Дюже рисковно.

– Вот и я о том же, комбат. «Рисково»...это как есть, ровнёхонько в точку.

Березин мрачно вздохнул, приподнимая плечи, опустил на плечо Воронова в кожаной чёрной перчатке руку. Она предсказуемо оказалась тяжёлой. – Это хорошо...Очень хорошо, комбат, что у тебя сердце болит за наших ребят. Мы для них кто? То-то и оно...Отцы-командиры, они же – наши сынки, выходит. А сыновей беречь надо. Но приказы, сам знаешь, не обсуждаются. – Семён Петрович снова с пристальной значительностью посмотрел в серьёзную камышовую прозелень глаз майора, точно сказал не для всех: «А как ты хотел? Война, брат, такая подлая сука...Она без потерь не бывает».

В это время к ним подъехал начальник разведки полка Николай Сигизмундович Ледвиг, который успел уже побывать в бригаде майора И.Ф.Дрёмова. Эта славная бригада два дня тому назад под стальным градом огня форсировала реку Воронеж, и, потеряв изрядно в живой силе, всё же захватила малый плацдарм. Закрепилась на пропитанном кровью рубеже в ожидании скорейшей помощи. В этой героической бригаде Ледвиг – неунывающий майор – в деталях узнал все последние данные о противнике.

В разведке Николай Ледвиг не был новичком, был отчаянно храбр, но осмотрителен, дерзок в деле, но рассудочен, словом, слыл тёртым, стрелянным и умным разведчиком. В самом начале войны, где-то в районе Ельнинского выступа, в ожесточённых боях со штурмовыми бригадами 4-ой армии генерала Клюге, что продолжали активно наступать на Центральном направлении, Николай был тяжело ранен.

В 472-й стрелковый полк прибыл из госпиталя. Не по годам умён и находчив был майор. Эти качества хорошо были видны, высвечивались в его серых, умно-расчётливых глазах, в смелом разлёте бровей и волевой складке упрямого рта. Все эти качества нравились Березину, и он всегда прислушивался к его резонным и дельным советам. Вот и сейчас, спешившись с другими командирами батальонов, комполка внимательно, не перебивая, словно окаменев, слушал чёткий доклад разведчика.

– Прямо перед нами видны укреплённые окопы противника. Если посмотреть справа налево, то в полосе предстоящего наступления полка можно увидеть три установленных ротных опорных пункта.

– Так, так...А какие силы на высоте и в глубине? – напрямую спросил Семён Петрович, потирая ладони. Затянутые в грубую кожу перчаток они, как два наждака, шуршали, хрустели, скрипели.

Настороженно выслушав все данные, определив, что на фронте наступления по численности пехоты полк в три раза превосходит противника, полковник Березин, поправив папаху, заключил:

– Ну, что же, товарищи командиры, в общем и целом наступать можно. Из двух зол выбирают меньшее, а третьего нам не дано.

Приказ Ставки однозначен: во что бы то ни стало форсировать реку, и, кровь из носу, – закрепиться на той стороне! И держаться, держаться всем смертям назло, до последнего подхода наших основных сил. Знаю. Трижды знаю – задача не из простых...Тем более, что огневой поддержки со стороны артиллерии кот наплакал...А это значит: сломать фашистскую сволочь на переднем крае можно только благодаря внезапным, слаженным и самым решительным дей-

ствиям, имея при этом превосходство в пехоте. Медлить нельзя, товарищи командиры. Бригада майора Дрёмова истекает кровью! Ждёт выручки. И мы должны ей помочь! Всем всё ясно? Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Ну, тогда с Богом. Сынки. Возвращайтесь к своим батальонам. Выступаем! – весомо скрепил Березин, и через приступ кашля, крикнул в след:

– Комбат Воронов, задержись.

Майор сосредоточенно внимал. Комполка Березин всегда говорил о насущном, жизненно-важном, напрямую связанном с интересами своих бойцов и офицеров, среди которых не было продажных шкур, колеблющихся, склонных к предательству-дезертирству, а только те, кто сознательно и самоотверженно шёл защищать от врага рубежи своей Родины. Потому, к майору, вместо охватившей его командирской привычной деятельности, вновь вернулось напряжение, чуткое ожидание. Зоркость и желание понять: с чем связана задержка, и какую роль и задачу отводил ему командующий, в своей неожиданной, сокровенной беседе, в своём замысле.

– Комбат, – полковник пытливо посмотрел в глаза майора. – Считаю своим долгом предупредить тебя, Арсений Иванович. Для твоего батальона...самый ответственный, самый сложный участок.

– Это я уже понял, товарищ полковник, – твёрдо прозвучал ответ.

Березин, опытный боевой офицер, смотрел на другого боевого офицера, своего младшего по возрасту и званию фронтового товарища и точно прощупывал его и просматривал ещё раз. Не взглядом, не слухом, а потаённым невидимым лучом из своих тревог и сомнений.

– Скажи, как на духу, комбат...Удержишь позицию?

– Попробую, товарищ полковник. Без поддержки артиллерии...Трудно. – Со сдержанной осторожностью дабы не порвать нить доверия, не обнаружить своих истинных дум и переживаний, ответил майор.

– Пробовать нельзя. Дрогнешь, твоему батальону – конец. Немец лют на нас за свой провал под Москвой. Тогда не шутил, а теперь и вовсе остервенел...

– Знаю, товарищ полковник. – Воронов сыграл желваками, чувствуя на себе непрерывное зоркое наблюдение.

– Вот и славно, ...коль знаешь, Арсений. Да только знать мало, – скрежетнул зубом Березин. – Удержать надо будет свой пятачок. Врыться, вгрызться, вбиться в него, мать-перемать, гвоздями!

– Есть удержать, товарищ полковник.

– Хмм...Я что-то худо помню твоих ротных, майор. Есть среди них стоящие? Ну, что бы, сам понимаешь!..

– Так точно, есть, Семён Петрович. Особенно один, командир 1-ой роты...

– А кто там? Ну-ка, напomini старику.

– Капитан Танкаев.

– Ах, да...припоминаю... – суровый взгляд комполка оживился. – Кавказец?

– Так точно.

– Грузин? Осетин?

– Никак нет. Дагестанец. Точнее аварец. Магомед Танкаев, выпускник Краснодарского пехотного училища.

– Ишь ты, аварец...Что ж, тоже лихой народ, знаю. Ну и как? Надёжный? – Полковник вскинул ковыль бровей.

– Надёжней не бывает. Делом в боях проверен. Имеет награды. Чистый булат. Джигит, одним словом.

– Жи-ги-ит, говоришь... Добро, коли так... Вот такие орлы там и нужны. Чтоб до конца... Что бы насмерть стоял, не пропустил, понимаешь, их сучьи танки!

– Этот умрёт, не пропустит.

– А ты слишком ли загибаешь, комбат? – недоверчиво усмехнулся в усы Березин. Ну ладно, ладно! Знаю я вас чертил... Поглядим. Если выдюжит твой молодец, познакомишь меня с ним поближе. Ну, что же, удачи, комбат. И твоему горному орлу, капитану Танкаеву. Но главное, помни: нам не погибнуть, – выстоять надо! Береги солдат, майор. Каждая светлая голова, каждое отважное сердце и верная рука нам нужна. Не завтра, а уже сегодня!

Полковник вновь положил на плечо Воронова свою тяжёлую руку, ровно заслонял его батальон от гибели и смертельных опасностей.

* * *

Взаимодействуя с соседями и используя их успех, сапёры 326-го сапёрного батальона в ту же ночь навели четыре штурмовых пешеходных мостика и подготовили три парома для переправы артиллерии через реку Воронеж. Пилы и топоры визжали – чакали несколько часов к ряду. Как не старались, а характерного весёлого «звона» и «вжиканья» – было не избежать. Белая стылая щепка кудлатым лоскутьём летела по сторонам. Глаза, суеверно притихших стрелков, напряжённо мерцали в сырой, набухшей сыростью тьме. Страх – быть обнаруженными – то и дело хватал за горло, холодил пах. Все прекрасно понимали: не окопавшийся полк – был превосходной мишенью для миномётов и артиллерии врага. Едва ли не каждый, в сём звенящем чаканье топоров слышал: не то голос судьбы, не то смерти.

Да, так и было, пожалуй... Но люди, уставшие от жалящей щекотухи боязни и страха, чёрт побери, сходились в одном: какая к хрену разница между смертью и судьбой? «Верно, братцы! Обе эти паскуды в конце концов, вколотят тебя в одну и ту же яму, вырытую в земле заступом али снарядом».

...А топоры продолжали стучать и стучать... И только непрерывный гул моторов в воздухе, да громкая кононада артиллерийских орудий в черте пылавшего города, не дали возможности немцам прежде времени обнаружить, укрывшийся в жидком подлеске полк Березина.

* * *

В роте Танкаева, стрелков перед боем маяла – колотила та же знобливая лихорадка. Вновь укомплектованный полк был полон ещё необстрелянными новобранцами, и это портило дело; опасно возбуждало, вгоняло в ступор. Дёргалось и без того перетянутые, взвинченные нервы бойцов. Тут и там, несмотря на дозор взводных и политруков, змеились, поднимали голову вредные голоса:

– Э-эх, кореши, вот и втюхались мы – по самое не хочу... – цвиркая ниткой слюны через щербину в зубах, с нескрываемой злобой протянул ушлый новобранец Косых. И, воровато зыряка по сторонам быстрыми хваткими глазами, вновь коротко цвиркнул слюной. – Твою мать... тут-то и захолерит в этом дерьме нас фриц.

– Да уж, влипли. Слякоть, холод и тьма... – с готовностью согласился кто-то рядом из молодых призывников и угнетённо добавил: – Не уж то и правда... в этом бучиле нас немец положит? – и через паузу дрогло и жалобно. – А меня сестрёнки младшие дома ждут. Мамке обещался вернуться. Сгинут они без меня. Батю... ещё в сорок первом... под Тулой убили. Похоронка пришла. Мамка от горя едва не обезножила.

Это с взволнованным придыханием обрания в набрякшей тишине негромким голосом рядовой Сметанин, по прозвищу Сметана; бледный, с припухлыми, будто покусанным пчёлами, лицом, на котором от тревог, усталости, сомнений и страха, залегли нездоровые тени и преждевременные морщины. Среди этих наметившихся складок, пороховых конопатин и растёртых рукавом мазков сажи, мерцали смиренные светлые глаза, которыми он беспокойно и

сострадательно обвёл боевых товарищей, с коими по воле злого рока его свела война. Будто жалел их за угрюмое ожесточение и кремнистое очерствение душ, за единственную, оставленную им свободу – проливать свою и чужую кровь, убивать и умирать.

– Не ной, Сметанин. Не к тебе одному пришла в дом беда! А ещё комсомолец...слон-
тай! – раздался справа, из темноты крепкий голос командира отделения – ефрейтора Пет-
ренко. – Ты, паря, часом не из поповичей будешь? Гляди! Присмотреться к тебе след...Фаши-
стов бить надо! Кто твои кишки на кулак готов намотать. Родину, товарища Сталина защищать
надо, понял, Сметанин? Покуда их всех гадов не выбьешь до последнего, спать не моги, жрать
не моги, понял боец?!А то, я гляжу...ты всё ещё мамкины пирожки не высрешь. Знай, я в бою
с тебя глаз не спущу. Ишь ты, всё о светлой могилке...с венком да оградкой мечтает. Её, боец,
ещё заслужить надо!

– А ты нет, Петренко? Ты не мечтаешь? Что ж тут плохого? – с оглядливой неуверенно-
стью и обидой возмущился Сметанин. Глаза его с суеверным беспокойством блеснули, по пер-
вости в сторону тонущего в багровых разрывах города, затем по верхам деревьев, над которыми
замыкалась стлалая темь. Речной ветряк, торопил, кусал низкие тучи и, раздирая их, оголял
угольки далёких и равнодушных звёзд.

Бойцы малость помолчали. Хлябистую мокреть тишины вновь нарушил по-бабьи стена-
ющий голос Сметанина:

– Да нельзя мне в бой, рябцы, никак нельзя...родные...

– Ну, ни хрена ты даёшь, Сметана. Ты чо, козырной средь нас? Или очко жим-жим?

– Злорадно усмехнулся Косых и глумливо перемигнулся с другими.

Его приклатнённых гримас угрюмые бойцы не разделяли, но!..Тон и слова Сметанина,
болезненно задели скучковавшихся – плечо к плечу, таких же молодых, как и он сам, солдат.
Неприглядность этого жалобного нытья, в данном раскладе, была подобна плаксивому звуку
смычка, ненароком прозвучавшего среди грохота-скрежета-визга, как если бы кто-нибудь в
кузнечном цеху или у прокатного стана вдруг да коснулся нежных скрипичных струн. Этот
нелепый, но искренний, чистый звук, жалобный взгляд, возможно, сочувственно понятый и
разделённый на гражданке, нынче обжёл и резанул души. Он нарушал грубую простоту их сол-
датского единства, их сурового бойцовского духа, коим они – сами угнетённые жуткой неот-
вратимостью грядущего, – жаждали укрепить себя перед боем.

– Ты что ж, паскуда? – пуще вскипел Петренко. – Отделение наше позорить? Взвод? Роту
капитана Танкаева?!

– Да нет же, товарищи! – не унимался Павел Сметанин. – Хоть проверьте, братцы! Рана у
меня давняя на колене открылась. Прежде, на марше, споткнулся, зашиб чашечку. Я ж честное
комсомольское...не могу, товарищи...Вона, гляньте, распухло как...Ну, скажи, хоть ты Косых!
Мы ж рядом в строю шли...

– А ты не тычь, Сметана! – Косых вдруг лякнул по-волчьи зубами у него перед носом. И,
с вызовом щёлкнув себя ладонью по ляжке, стрельнул слюной под ноги Павлухе. – Ты только
глянь, братва! Три дня как в теплушке знакомцами стали...Ещё обнюхаться не успели, а он
фазан, уже нашёл себе прибуду. Но я не фраер.

– Встать, рядовой! Кто таков? – резкий, не терпящий возражений голос, заставил всех
прикусить языки.

Косых поневоле поднялся, метнул, на посмеявшегося осечь его, взгляд. Глаза зло сузились.
Перед ним стоял старшина их взвода Иван Трофимов – ражий широкогрудый дядька лет
сорока пяти, бывалый солдат, с оторванной пулей мочкой правого уха. Правая рука его лежала
на автомате, другая, с каким-то тихим озлоблением вертела в пальцах сломанный прут.

– Кто таков? – холодно повторил старшина.

– А то, не знаешь? Бум знакомы, старшина. Рядовой Витек. Командуй, я подчиняюсь, а? – Косых остро и дичало зашнырял глазами туда-сюда. – У меня и допрежде начальничков было по ноздри, не привыкать, а? Хоть и не любил я их зараз – краснопёрых.

– Отставить! Не бухти поперёк сынок. Твоё дело теперь солдатское: ни с переду, ни с заду. Получил приказ – встал и пошёл. Молчать! Я нанюхался пороху не с твоё! – Трофимов померчал тёмными посуровевшими враз глазами и, оголяя плотные до черноты прокуренные зубы, отрезал:

– Доложить по уставу: кто таков!

– рядовой Косых, товарищ старшина.

– Из блатных?

– А то! Глаз – алмаз, старшина. Я ведь туточки по призыву нашего любимого вождя... Замечу, по добровольному желанию. Дядя.

Весь, как на шарнирах, Косых и глазом не успел моргнуть, как красные ручищи старшины камнями упали ему на грудь, сгорстили и встряхнули, что вещмешок, дважды оторвав от земли.

– Слушай ты! – на щеках старшины катались обтянутые бурой, шершавой, как наждак, кожей желваки. Косых, ухваченный за грудки, пригнул голову и с жарким ужасом глядел в олютевшие глаза Трофимова, ждал страшного удара, который вот-вот, вырвет из-под ног его землю.

И то, правда: не только зарвавшегося урвана, но и матёрых, откормленных фрицев умел Иван Трофимов валить с ног в рукопашном бою своим вятским набитым ударом в голову.

Ан нет... Не ударил, опытный старшина рядового, не своротил скулу. Однако сорвал на нём злость за свой нарушенный передых перед боем; за то возмущение, которое пережил, услышав от приклатнённого щенка: не уставную речь и наглые «наскоки» на своих боевых товарищей. Дерзкий выкрик Витька взбесил его окончательно. Он ещё раз, только шибче, встряхнул заёрзавшего в его «ухвате» бойца, и, с трудом удерживая кулак, зудевший желанием, в упор прохрипел:

– Заткнись, гадёныш! Сопля паршивая! И заруби: тут тебе не там!..

Я тебе не «дядя», а замком взвода, старшина Трофимов. Бойцы не «кореша», а товарищи. Тебе с ними в бой идти... Где ты – огрызок человечий, нашёл «приблуд» и «фраеров»? Будь достойным служить в нашем полку! Будь достоин роты капитана Танкаева. Сиди не рыпайся, жди приказа. И чтоб тут не воняло! Молчи, сучёнок, не то гляди... до переправы не доживёшь.

– Брось, старшина! Оставь парня... – вступился сержант Петренко. Отводя от дрожащего носа Косых Иванов костистый кулак. Не ровён час... выведешь живую силу до боя.

Но охваченный праведным гневом старшина, не сразу разжал кулак. Клеймя раскалённым взглядом Косых, бросил:

– Впереди бой! Имей уважение к смерти, солдат. Многие из нас нынче последний раз звёзды видят... Ты всё понял, сынок?

– Так точно, товарищ старшина. Не дурак. Напускная уголовная «блоть», как рыба чешуя, слетела с него.

– Дурак ты или нет... бой покажет. Пули дураков любят. Тут и до тебя в полку... «добровольцы» были из ваших... Всё права качали. Совсем, как ты: «Мы – герои! Променяли нары на окопы, чтоб добить фашистского зверя в его логове...» И прочую муру мололи. А после первого боя в зады запросились, на нары...

– И что ж, отпустили? – не удержался Витёк, вскинув брови.

Старшина неодобрительно покачал головой, склонился неприязненно на ершистого бойца. Молча покусывая губы, – видно, сдерживал просившееся наружу резкое слово, глухо сказал:

– Да нет. Они уже больше никуда не рвутся, не просятся. Червей в братских могилах кормят.

– Так...и я никуда не прошусь! – придушенно просипел Косых. – Мне завтра под пули идти, кровь проливать...

– Цыц! Отчего «завтра»? Нынче послужишь Родине. У тебя, герой, видать перед атакой, как у бабы при виде мужика в бане, все мозги отшибает. Это ж у них – куриц, мозги ниже пупка.

Вокруг, давясь смехом, гоготнули стрелки.

Но Иван Трофимов, ровно не слышал:

– Тебя, чертогона, давно надо б на фронт...

– Кто спорит? Так форта не было!

– Ну, теперь будет у тебя и форт и козыри. Будь уверен.

Рука Трофимова нехотя разжалась. Рядовой Косых уверенней почувствовал твердь под ногами; неловко покашливая в кулак, хотел было отойти прочь, когда услышал грозное:

– Куда? Приказа идти не было.

Косых замер, не выдержал, – повернувшись, через поднятый ворот шинели, улыбавшегося Трофимова:

– А ещё старшина Красной Армии... Чем же вы лучше вертухаев на вышках?

Не стерпел и Трофимов, – выталкивая Косых из гудливого круга бойцов, наступая ему на запястники ухлюстанных грязью сапог, недобрым голосом пообещал:

– Ну, гляди, рядовой Витёк. Я с тебя, паразита, глаз в бою не спущу. Ежли, что ...своёными руками, как вша раздавлю.

– Отставить, старшина! Что тут у вас происходит?

* * *

Твёрдый голос, с лёгким кавказским акцентом, мгновенно оборвал смешки и возгласы солдат. Все тотчас повскакивали с мест, захрустев снегом, замерли по команде «смирно!».

Перед ними стоял командир роты капитан Танкаев. Высокий, широкоплечий, стройный, как тополь, в офицерской долгополой шинели, перетянутой ремнями, в шапке-ушанке плотно надвинутой на чёрные брови, из-под которых на солдат смотрели строгие, внимательные глаза.

Стрелки, насторожившись, слушали, ждали, вытянув руки по швам.

– Вольно.

– Отделение, вольно-о!

Командир глянул в лицо старшины – уловил сухой и тревожный блеск его глаз, следом резанул цепким взором по остальным.

– Так в чём дело, старшина? – капитан дёрнул безупречно выбритой впалой щекой. – Службу не знаешь? Докладывай.

Раздувая крылья ноздрей, Трофимов ждал конца фразы. С досадой облизал обветренные губы, глухо зарокотал баритоном:

– Так, ерунда...товарищ капитан.

– «Ерунда» или нет, – судить мне.

– Да вот, провёл необходимую беседу с бойцом, товарищ капитан. Вложил ума-разума, новобранцу. Азы воинского устава, так сказать...

– Фамилия, имя? – Магомед Танкаев пристально посмотрел на ретивого новобранца, и тот заметил в чёрно-карих глазах ротного фиолетовый перламутр далёких пожарищ.

– Рядовой Косых. Третий взвод, четвёртое отделение.

– Ну и как, рядовой Косых...Усвоили наставления старшины Трофимова?

– Так точно, товарищ капитан.

– Это хорошо. Рядовой Косых. Здесь армия, фронт...Запомни это раз и навсегда. Боец. Смерть целует лишь один раз. Встать в строй.

– Есть, встать в строй!

– А с этим что? – Магомед Танкаевич, перевёл взор, на опиравшегося на СВТ-40, – полуавтоматическую винтовку Токарева, – бойца Павла Сметанина.

– Да тожить...гусь бедовый, товарищ капитан, – недовольно буркнул в усы старшина. – Рядовой Сметанин. Не понос, так золотуха...Жалуется рана у него, дескать, давняя открылась. Чёрт бы побрал его, не солдат, а баба. Как в бой, так у него...

– Я попрошу вас помолчать, старшина! – повысил голос ротный. – Почему не приняты меры? Мне хромоногие и больные в бою не нужны. Немедленно проводить бойца к санитарам. Общее выступление через пятнадцать минут.

– Есть проводить! – гаркнул замкомвзвода и призывно мазнул взглядом по сержанту Петренко.

Растерянный Сметанин, встретив неожиданную поддержку со стороны грозного ротного Магомед Танкаевича, оживился, благодарно заалел скулами, и командир улыбнулся ему одними глазами, словно сказал: «Лиха беда начало...Мы ещё повоюем с тобой боец Сметанин. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

Сумеречный рассвет был тёмным, но Магомед видел, а больше чувствовал природным, каким-то звериным чутьём, что у деревьев, справа и слева следит за ним множество напряжённых, налитых ожиданием и решимостью глаз. От солдат исходил едва уловимый уксусный запах пота, кожаных сапог, ремней и подсумков, полусырых шинелей. Телогреек и несвежего белья. Так горкло пахли обугленные развалины и прогоревшие пепелища селений, так пахла передовая, пах фронт, уличные бои. Сожжённая техника. Разбитые снарядами подводы, жилые подвалы и чердаки, места погребений.

Капитан, заложив руки за спину, не спеша прошёлся туда-сюда в ожидании своих командиров, задержавшихся у политрука батальона Тихомирова. Магомед по-прежнему продолжал ощущать на себе цепкие взгляды бойцов, видел: у огневых точек, на сторожевых постах, у деревьев, за стволами которых, в минуты возможного обстрела могли бы укрыться стрелки, – повсюду были видны совсем молодые, мальчишеские лица, исхудавшие, утомлённые, но с блестящими живыми глазами, жадно и преданно озиравшими его, ротного командира.

Своего отчаянно смелого капитана, солдаты любили, побаивались, но больше уважали. Нравилось бойцам в нём решительно многое: в какой бы ситуации-переделке, бою не доводилось ему быть, он всегда оставался образцом подтянутости, аккуратности и исполнительности. «Приверженность дисциплине, воинской выправке для него были не уставной формальностью, а истинным выражением отношения военного человека к состоянию своего взвода, роты, а позже полка, дивизии...Отношения военного человека к состоянию вооружённых сил Отчизны, к уровню обороноспособности страны. Такова была его духовная суть, гражданская, человеческая ориентированность.

Эти достойные качества воина, – видели, как рядовые бойцы, младшие командиры, так и вышестоявшее начальство, и, право, не раз отмечало в своих рапортах: «...Весь его боевой опыт был обретен им личным трудом, а признание – завоёвано личным подвигом. Не было за его спиной «толкачей» и впереди не было «тягачей». Прежде всего, был он сам, и путь он одолевал свой, собственный».

И то правда: это была натура особойковки, склада, призвания. «Личность самой высокой, чистой пробы, сильная, красивая, гармоничная. При всей строгости, порой жестокости кавказского характера он был жизнелюбив, жизнерадостен и, что особенно запомнилось, ироничен в восприятии окружающей действительности, равно как и собственной персоны. А это, как известно, черта, свойственная людям с самым высоким и осознанным чувством независимости и внутренней свободы».³

* * *

Стрелки повзводно, жались под стылыми соснами, хлопали друг дружку по плечам и спинам, на которых, как железные костыли, леденели

³ Г. Гамзатов, член-корреспондент Российской академии наук.

винтовки и автоматы. За ворот бойцам залетал влажный снежок, по спинам гуляла дрожь: огонь разводить было строжайше запрещено, да и попробуй спроворь его в такой хляби...

От близкой реки тянуло сырьём, прелой хвоей и талым льдом с примесью ила. Солдаты, подобрав полы шинелей, подобно большим чёрным птицам, гнездились на корточках, курили в кулак, смаковали последние минуты. Кое-где расплеталась серая рвущаяся нить разговоров.

– Цыть, кобели! Разгавкались. Нашли время кость грызти! На смерть идём. А конец света, сынки, у всех завсегда один, – с суровой твёрдостью низал слова старшина Трофимов, окружённый бойцами третьего взвода. – Каждый из нас, когда-то закроет глаза. Нынче, завтра... от пули, али так сам по себе, кодысь срок, значит, придёт... Вот это и будет, вам, – конец свету.

Иван не закончил свою мысль, команда: «Станови-сь!» – сорвала стрелков с мест; обжигая задубевшие от холода пальцы и губы, они на ходу докуривали свои самокрутки, махорка была в цене, да и у каждого билась натянутой лесой в висках мысль: «...быть может, это его последняя в жизни сигарка...»

Прибрежный лес, будто ожил. Общее построение полка, разогнало в жилах, загустевшую было кровь. Смешанное чувство страха и решимости вновь охватило сердца бойцов. Перед выходом, ротные командиры, политруки по приказу комбатов обращались к своим солдатам с напутственным словом. Держал по-обыкновенно такое «слово» и капитан Танкаев. Решительно выйдя к своим бойцам и взводным командирам, он, блистая чёрным агатом глаз, по-орлиному охватил всех сразу. Там, за молчаливой шеренгой стрелков, за ледяной рекой лежал в руинах Воронеж. С птичьего полёта контуры города были похожи на корявый капустный лист, в котором истлела живая ткань, но сохранились бесчисленные омертвелые сосуды и капилляры. Вдоль города, напоминая стебель увядшей ботвы, дугой изгибалась река. Там располагались огневые точки противника; были сосредоточены миномётные и артиллерийские батареи. Туда на вражеский заснеженный берег, по чёрной воде, обязаны были переправиться батальоны полковника Березина, выбить фашистов, захватить плацдарм и ждать подхода основных сил. Будучи в курсе главных донесений разведки, держа в памяти множество данных и сведений, наименований и чисел, кодов и позывных, в сознании Магомеда Танкаевича, среди всего прочего присутствовала драгоценная сердцевина – его рота, за которую он был ответственен, которой дорожил, с которой ему скоро предстояло атаковать врага.

– Ну, что, орлы! Послужим Родине! Впереди бой. – Его глаза быстро, твёрдо и зорко встречались с глазами взводных офицеров. В них была сосредоточенность, угрюмая готовность к смерти, но и солидарность боевого братства, уничтожавшего одного и того же ненавистного врага, преданность своему командиру, Отчизне, своему народу. – Хочу пожелать, вам товарищи бойцы, удачи и настоящей воинской славы! Каждый из вас – боевая единица, надежда нашего полка, лицо нашей роты. От каждого из нас – зависит успех предстоящего дела.

Помните: солдат, который пытается только спастись – погиб, солдат, который не боится погибнуть – спасён. У нас в Дагестане говорят: «Красота поблётнет, мужество останется. Пусть мать лучше умрёт, чем родит труса. У героя одно лицо, у труса – два». И ещё, – капитан Танкаев двинулся вдоль строя, под его воздетой, изломленной, как крыло бровью сверкнул соколиный чёрно-фиолетовый глаз. – Одна грязная овца всё стадо портит. Боец при автомате, ещё не боец.

– А кто же? – вылетело дерзкое, звонкое, из-за касок первой шеренги.

Командир не обернулся на выкрик, будто не слышал, но жёстко продолжил:

– Овца с оружием. Хэ, бешеный баран. Он тоже мнит, что он воин. Волк. Но когда придут настоящие волки... Он сам отдаст им оружие. Потому, товарищи бойцы, в бою надо быть самим волками, чтобы порвать их вражью стаю! Всем всё ясно? – Магомед Танкаевич остановился, глядя в суровые лица стрелков.

– Так точно, – раздались нестройные голоса.

– Не слышу!

– Так точно! – слаженно, как один, откликнулась рота.

– Да будет славен час возвращения с битвы!

Глава 4

На хлипком брезгу полк побатальонно, рота за ротой, выдвинулся к реке. Шли, тихо подбадривая друг друга шутками. Но на душе один чёрт, было гнусно. Жидкий лес был изрытвлен воронками от снарядов. Солдаты продвигались, осторожно щупая почву ногами, стараясь не оставить в грязи сапоги. Порой какой-нибудь падал, в полголоса матерно костерил судьбу.

В первом с правого фланга батальоне майора Воронова, второй по счёту чавкала по мутным лывам рота Магомеда Танкаева. После, тихо пролетевшей команды «изготовься!», стрелки поставили оружие на боевой взвод; шли, цапая приставленными штыками чёрный кустарник и бронзовые стволы сосен. Мимо вдоль колонны, впереды, проскакали верхами, на рысях четверо офицеров штаба; они, сдерживая голоса, разговаривали. Магомед, прислушиваясь к общему движению роты, невольно выхватил обрывок их опасений:

– Гадство... Гадство! Всего четыре плота... О чём думает Березин? Чертовски мало для переброски трёх батальонов! Целых лодок нашли только пять... Две без вёсел...

– Вечно у нас всё через ж...

Крепкий баритон на минуту умолк и стремительно отдаляясь, зазвучал тише: – Лишь бы немец прожекторами не высветил прежде времени... Тогда нам всем... ец, твою мать...

Голоса внезапно, как и появились, смолкли, и капитан слышал лишь тяжёлый, железистый ход колонны, влажный несмолкаемый хлюп собственных шагов да трельчатый звон в ушах.

За спиной, кто-то из первого взвода, засипел прерывистым шёпотом:

– Эй, земля!

– Ну?

– Живой ишо? Прёшь?

– Ну!..

– Эх, ё-моё... Зараза... Темно-то как...

Минуту голоса за спиной Магомеда молчали. Люди шли едва видимые друг другу, и неожиданно до слуха Танкаева долетел. Тот же сипящий, застуженный голос.

– Пойдём рядом! Ближе держись... не так страшно...

– Айда.

– Сумин! Разговоры в строю! – прикрикнул взводный Стожаров. Приглушённые голоса стрелков осеклись.

... Снова шли молча, переставляя по влажной земле набухшие сапоги. Пятнистый усатый месяц вдруг выплеснулся из-за пенного гребня тучи, покрасовался минуту, блестя бледным золотом чешуи, нырнул. Как хариус, в текущие волны дымчатой мглы и, выплыв на чистое приволье, потёк вниз призрачный свет; фосфорически проявились мокрые, словно стеклянные иглы сосен, – казалось, крепче при свете запахла мартовская хвоя, студёней дохнула вязкая, что пластилин, подтаявшая земля.

* * *

Весь путь до реки Магомед не мог освободиться от тлеющего жара в груди. Нет, это был не страх, что-то иное... но причину сего нервного зуда. Он хорошо знал.

Всё умел, ко всему был готов капитан Танкаев. Не раз он поднимал в атаку своих ребят, не раз его настигали колющие пульсирующие очереди вражеского свинца, от которого спасали: природная ловкость, волчье чутьё и сокровенная молитва. Но вот беда... Так уж случилось, – плавать он не умел. Исстари известно: три сокровища есть у Дагестана: горы, море и всё остальное. В безбрежные воды великого Каспия, как в зеркало, смотрится Дагестан.

Древние легенды вещают: что на месте моря некогда была унылая голая пустыня. Потом ей вдруг открылось величие могучих орлиных гор и...от потрясения и радости, пустыня расплеснулась у их скалистого подножия своей лазурной синевой.

...Говорят. Что и горы Дагестана были некогда дерущимися драконами. Но вот, однажды в пылу очередной битвы, узрели они прекрасное море! И замерли на веки от удивления, от дивной красоты...окаменели.

Да...всё так. Слышал с детства эти легенды и Магомед. Но Гиидатлинская долина, высокогорный аул Урада, где он родился, слишком далеки от Каспия. Уф Алла! Даже с самых высоких гор, что окружают селение, не увидеть моря. Три перевала, более двухсот вёрст отделяют Ураду от Каспия. Та же, малая речушка, что гремит по гальке, среди валунов, пересекая долину – слишком мелка летом, чтоб в ней плавать. Конечно, есть в Дагестане крупные, мощные реки: Аварское Койсу, Кара-койсу, Андийское койсу, Сулак, но и до них путь не близок – ноги сотрёшь в кровь. Но главное: жизнь горца сурова, трудна и с раннего детства занята тяжёлым трудом. Суровая жизнь выработала суровые обычаи и нравы. Горцы никогда не баловали своих сыновей.

Отец Магомеда, – Танка – был большим тружеником, человеком свободным и независимым, достойным примером для своих детей и соседей. Несмотря на свой рост, силу и крутой характер, он никого не обижал, но и никому не позволял обижать своих близких.

« Настоящий мужчина – сам должен решать свои проблемы», – поучал своих сыновей Танка.

Хай. хай...Ко времени отрочества трёх сыновей у Танка был свой прекрасный дом, имелись и хутора, где он круглый год содержал скот. Летом он часто находился на альпийских пастбищах с сыновьями, а весной и осенью им всем приходилось, как и другим горцам, заниматься земледелием – пахотой, посевами, молотью, уходом за фруктовыми деревьями и скотом. Словом, не было времени у Магомеда, поехать на море, на большую воду, учиться плавать, в отличие от тех мальчишек, той предвоенной поры, что жили по-соседству от моря. Горных озёр или больших, полноводных рек.

...Обо всём этом думал – вспоминал Магомед Танкаевич, следуя в голове своей роты, и казнил себя. Переживал, что так и не научился плавать. Но. Отнюдь, не только этим был полон капитан...Искры памяти трепетно высвечивали дорогие лица родных, самых близких людей: маму, сестёр, братьев...Но особенно, в эти напряжённые, спрессованные мгновения, почему-то перед глазами стоял глава семьи. Отец очень любил их всех. Магомед хорошо помнил, как он. Положив однажды тяжёлую, мозолистую ладонь на его голову, сказал прилюдно, собравшимся в кунацкой гостям:

– Верю...Из него выкуется настоящий джигит. Из него будет Человек.

Потом, с суровой внимчивостью посмотрев сыну в глаза, строго сказал отцовское, горское, вечное:

– Ответь мне только одно: помнишь ли ты, из какого ты рода?

Юноша зарделся скулами, с удивлением посмотрел на родителя.

– Конечно, помню!

– Заклинаю тебя! Помни и никогда не забывай об этом, сын, – погрозил ему пальцем старый Танка. – Ай-е! Верю, что ты не станешь посмешищем для народа. Всегда и везде, свято береги доброе имя своей семьи, своего тухума, своих предков, – уже спокойно прибавил он.

– Я – мужчина, урадинец, отец. У меня папаха на голове, кинжал деда – на поясе. Небом клянусь, всегда помнить буду из какого я рода. Смогу совладать и со своими страстями и со своим сердцем.

Много воды утекло с тех пор. Много пережил Магомед, многого добился за свою молодую жизнь, хоть и непросто ему это далось...Но всегда одержимый одной мыслью, одной заботой – честно и верно служить Родине, не забывал он и наставлений отца, заветов предков. И

теперь, в час испытаний, его возбуждённые мысли могли озарять только одну из вершин его жизни – честь рода Танкаевых, достоинство Урады, вверенной ему роты и верность знамени своего полка. Всё остальное было отброшено и лежало во мраке.

...Колонна подходила к реке Воронеж, минуя, узкие стиснутые в холмах берега. Вышла на талый снег. Пачкая его, пятная грязевым следём, чавкая, хлюпая. Утренний морозец хватко превращал полусырую одежду в ледовый панцирь, стягивал, исходившую паром кирзу сапог. Стрелки хрустели прибрежной, пористой наледью, точно шли по лединцам-карамели. И казалось, тысячи людей гремят, не то каторжными цепями, не то ратными доспехами, выдыхают вместе с паром ругань, стенания и молитву.

«Бисмиллагхи ррахІмани ррахІм... – стучало в голове в такт шагу. – Ночь – День! Жизнь зовёт. Не спеши. Нет вершины горы, которую нельзя достигнуть. Прислушайся к себе и поверь в свои силы. Всевышний, Милостивый разлит и в тебе. Он смотрит на нас с Небес, на наши земные дела... Открой глаза, загляни к себе в душу. Ты увидишь и поймёшь, что Он ведёт тебя по лезвию жизни. Он живёт в тебе, чтобы ты так же, как твой отец, дед, как твои предки, – передал жизнь своим детям, защитил свои могилы и Родину от звериных орд врага, чтобы ты дал продолжение своему роду... Своим благодарным за это потомкам".

* * *

(Из воспоминаний генерал-полковника М.Т.Танкаева)

«...На счастье разведка доложила, что обнаружила два брода; все три парома были переданы артиллеристам для переправы орудий. В последний раз, обсудив положение и, выкурив по папиросе, мы получили приказ форсировать реку. Штурмовые мостики в местах брода охранялись усиленными и пулемётными заставами.

– Я – «Первый»! Держать темп переправы!.. – передал по колонне подполковник Березин, оглядываясь на густые сомкнутые ряды. – Командирам батальонов и рот!.. Всем в строгом соответствии очерёдности сходить в реку!.. Дистанция друг от друга не более метра. Пулемётным и миномётным заставам держать вражеский берег под неустанным прицелом! В случае обнаружения переправы неприятелем, открыть огонь на поражение! Выполняйте!..

...Помню, как сошёл с тропы, как приблизился к черной, словно дёготь воде; стал погружаться в неё, обламывая хрупкий ледяной припой, распуская уплывавшие чернильные круги, увлекаая за собой роту.

Вода ледовитым холодом обожгла нас, хлынула в голенища сапог, стиснула клещами колени, плеснула студёной жутью в пах, загусила кожу, перехватила дыхание и грудь железным ободом, лизнула и заручьилась подмышками... Оглядываясь, как сползает с берега в воду чёрная лавина людей, булькая, ахая и рыча, с хрустом обламывая и кроша прибрежные наледи, я молил Небо лишь об одном, чтобы враг не обнаружил нас сразу. Что же до своих ребят... сердце моё было спокойно. Глядя на их перекошенные судорогами остервенения, злобой и решимостью лица, я твёрдо знал: они чертовски ждут одного – схватки! Измученные переходами, исстрадавшиеся тяжким, изнурительным ожиданием, им действительно, по-всему, опостылело уворачиваться от свинца и стали во время обстрелов. Им до отчаянья. Хотелось вгрызться зубами в глотки ненавистных фрицев, проверить себя в стоящем деле.

Под несмолкаемый грохот канонады, алые всполохи за рекой, две колонны из трёх батальонов брели по илистой реке, то по пояс, то по грудь, то по горло, держа на весу вещевые мешки и оружие. Знаменосец из аспидной смоли воды воздевал ввысь руки, нёс святыню полка – зачехлённое знамя сквозь бледнеющие звёзды. Зелёные цепочки осветительных ракет и речную, бликующую чернёным серебром, журчливую рябь.

Все положительно казалось каким-то нескончаемым зловещим сном, в котором мы все брели, стиснув зубы. Между тем, река у противного берега делала тягучий, медленный поворот, образуя широкую, длинную двухверстовую сонную заводь, – желанную для сетей рыбаков,

но опасную для нас. Впереди отчётливо дыбились угрюмые взлобья холмов. До твёрдой суши оставалось немного.

...Не знаю, как другие...но лично я, того прежнего цепящего холода больше не ощущал. Напротив, какой-то дьявольский, щекоотливый огонь гулял в моих перетянутых жилах и чувство близкой удачи и призрачного везения торопило меня, толкало вперёд, часто окатывая с ног до головы, нервным, зудливым весельем. Временами мне казалось, что мы и впрямь переиграли, укрепившегося на высотах опытного врага. Ещё немного, ещё чуть-чуть...и мы внезапно, как снег на голову, обрушимся, сойдём ливнем на их головы, пулемётные гнёзда, сонные амбразуры, полные запасов провианта-консерв, оружия и сухого белья. Наши сапёры не подкачают: обрушат на них стены и крыши их дотов и укреплений, подорванные фугасом. А если что, ребята – артиллеристы – не промах, прикроют нас – пехоту арт-огнем и отутюжат, сотрут эту фашистскую сволочь с лица земли.

Хужа Алла...Это шальное, диковатое чувство, как пить дать, знакомое фронтовикам, прошедшим войну, охватило меня целиком...А между тем, именно оно, это дурное «счастливое» чувство, – является предвестием беды. Как вино-водка пьянит оно разум, погружает бойцов – командиров в счастливую слепоту, за которой притаились и ждут своего часа: несчастья, засады и невозполнимые потери.

Впрочем, душу когтили и другие отрезвляющие до паралича мысли. Хо! Это ведь только дурак ничего не боится...Да и тот, когда смерть пощупает. Заглянет в глаза...вспоминает Бога. Как сейчас помню: я шёл по пояс в воде, раздвигая грудью ледяной плотный холод, подбадривая солдат и взводных...А самого нет, нет, да и пробирал до мозга костей, хватал за горло страх: что истекают мои последние минуты жизни, и это – шайтаново движение в ледяной реке – есть последнее моё омовение. Жизнь с каждым мгновением подводит черту, а я в ней. Так и не успел ничего совершить большого, значимого, не успел до конца уразуметь её смысл и закон и теперь. В невежестве, в непонимании, по воле и замыслу невидимого Создателя, иду умирать. Без милых и родных, за тысячу вёрст от своего Дагестана.

Нет, я не роптал. Горец должен бесстрастно и стойко принимать удары судьбы. Иначе он не горец. Я признавал непостижимую для меня правоту молчаливого, всемогущего Неба, рассыпавшего над рекой мерцающие миры и созвездия, разноцветными ожерельями и гирляндами, украсившего наш смертный путь. Иншалла.

«О, всевышний! – горячо молился я втайне от всех. – Ни о чём Тебя не прошу перед смертью...Я воин. И всегда хотел одного: быть достойным смерти. Эта моя мечта воина...»

Я всегда хотел быть похожим на моих прославленных предков: бесстрашного храбреца Хочбара, принявшего, за судьбу своего народа, мученическую смерть на костре по воле жестокого Нуцал-хана, в Хунзахе; моего деда Гобзало, на моего отца Танка, на тех героев, что на веки прославили наш благословенный край, мой Дагестан.

Помню...уже на подходе, отчётливо видя вражеский берег, я черпнул ладонью воды. Омыл лицо. Сделал обжигающий глоток. Посмотрел в чёрную рябь, в которой осколком перламутра отражался месяц...Но увидел, старика в лохматой белой папахе с родным забытым лицом...Это был Танка – мой отец. Он сидел, оперевшись на длинный узловатый посох, смотрел в далёкую светлевшую горную даль, и морщины его были бронзовыми от восходившего солнца. Ай-е! Внезапно он повернул голову и строго воззрился на меня.

Посмотрел и я в лицо отца, страхась узреть в нём тревогу, а того хуже печаль или горе.

Лик его казался каменным, непроницаемым с грубыми-жесткими линиями и бороздами морщин, нанесённых каменотёсом. Только глаза, не успевшие окаменеть, сверкали из глубины тёмного, как кожа седла, лица. И вдруг явственно услышал его слова, – сказанные мне давным-давно:

– Помни. Из какого ты рода, сын! Помни, данную тобой клятву. И никогда не забывай об этом!

Сказал и истаял – исчез в текучей, мерцающей тьме.

Эти слова потрясли меня, будто гром. Точно очистительный огонь промчался по моим оледенелым жилам. Теперь я гнал от себя тревожные, грустные мысли. Потому, что окреп в убеждении: я здесь по долгу офицерской чести! Своей клятвы, данной отцу и народу. Я здесь по зову своей души... По призыву нашей советской Родины! А ещё более укрепляло и закаляло мой дух сознание, что иду я в бой не один, а со своими боевыми товарищами, верящими в меня, в нашу победу, – в наше правое дело.

Всё это: увиденное – услышанное – передуманное пронеслось в один миг. А в следующий, – немцы, обнаружившие нас, жаждали по нам во всю свою германскую мощь.

«Мы вас будем сметать огнём» – обещали они и сдержали слово. Стальная музыка войны, рёва, грохота, визга и ужаса оглушила, расплющила нас, точно мы попали в логовище огня, молота и наковальни!.. Скорбная доля быть с «безносой» на «ты»... Но мы. Чёрт возьми, были... Кто это видел и выжил, – тот не забудет никогда!..

«Урр-раа-ааа-аа!!» – Под смертоносным градом свинца и шквального огня фашистов мы ринулись в атаку».⁴

⁴ М.Т.Танкаев, «Шли с боями», Махачкала, 1984 г.

Глава 5

«Э-э старая песня...чёрта-с-два тут уснёшь...»

Отыскав пачку «Казбека», Магомед, не желая потревожить спящую жену Веру, тихо, но решительно поднялся с кровати и, выйдя в халате и шлёпках из спальни, прошёл на лоджию. Фасад дома, в котором проживала семья генерал-полковника Танкаева, выходил на улицу Мосфильмовская. Отсюда, с четвёртого этажа сталинского «ледокола» (стоявшего на «причале» по адресу: Мосфильмовская, д. 11/2, кв. 7) открывалась величественная панорама Москвы.

Светлеющее субботнее утро выдалось ясным, ярким, по-осеннему бодрым. Огромная столица СССР, уходившая своим безбрежьем архитектуры в розовеющий горизонт, ещё сверкала, перемигивалась и переливалась электрическими огнями люстр и гирлянд; очаровывая неискушённый взор приезжего ухоженной зеленью парков и аллей, чистотой вымытых поливальными машинами бульваров, красотой и пропорциональностью линий широких и прямых, как ленинская мысль, проспектов.

Великий, ещё не проснувшийся город, казался затихшим, отдыхающим; планета медленно вращалась, проплывая-проносясь сквозь упорядоченную Вселенную.

...Со своей лоджии, сидящий генерал долгим медленным взором оглядывал сверкающие дали, пронизанные рубиновыми звёздами древнего

кремля и гордыми, штыковыми шпилями сталинских высоток; задерживался взглядом на городских площадях и они, в этом сентябрьском фиолетово-розовом рассвете 1988 года, обрызганные лимонным светом фонарей, в длинных блёсках пролетающих, куда резких, автомобилей, казались ему ирреальными, театральными декорациями; местом – грядущих ристалищ, где спустя время развернутся в марше непримиримые фаланги, когорты и легионы, – будущие соперники, борцы и враги. Люди, фасады, фонари и машины, казались помещёнными в гигантский стеклянный сосуд; путались, как в сетях, в переулках и улицах, бесшумно, что разнопёрые рыбы. Ударялись о призрачные тупики-преграды, меняли направления...

Потеряв интерес к хорошо знакомым очертаниям, фасадам, аркам и вывескам, Магомед Танкаевич перевёл задумчивый взгляд на посеревшее небо и наблюдал теперь за нескончаемой чёрной стаей перелётных птиц, словно в замедленном фильме пересекавшей небо.

«Бог мой!.. Более сорока лет минуло после той ужасной войны...» Давным-давно, щедро политые кровью поля сражений заросли подорожником и полынью; заколосилось на тех полях пышным цветом разнотравье: выжелтились сурепка, вспыхнули синим пламенем васильки, махорчатыми кистями повис донник...От лета к лету пьянит путников терпким запахом чабреца, желтоглазой ромашки, молочая и клевера...Но зависли над теми далями и холмами, как глянцевице крылья стрепета, – народная боль и скорбь по погибшим.

С севера на юг и с запада на восток, от Балтики до чёрного моря, на тысячи вёрст. Подобно вешнему половодью разлилась не проходящая скорбь матерей за своих сынов. Навсегда покинувших родной дом...Города и сёла, курени и хутора, аулы и кишлаки, куда вернулись, пропахшие порохом воины – победителями или жданными гостями, наполнились через край радостью со слезами на глазах...Радость эта хлеще и резче, безжалостней подчёркивала глухую, прижившуюся тоску-печаль тех, кто на веки потерял родных, дорогих и близких. Безумно, пугающе многих своих защитников недосчиталась Отчизна, коих растеряла на полях России, Белоруссии, Украины, Кавказа и Крыма, Прибалтики и Прикарпатья, на полях Галиции, Буковины, Болгарии, Хорватии, Сербии, Черногории, Словакии, Чехии, Польши, Румынии, Венгрии и Германии...Трупами, несметным числом, миллионами легли они и истлели под орудийную панихиду, и ныне позаросли – затянулись бурьяном высокие безымянные курганы братских могил; побило их дождями и ливнями, позамело и придавило, как гнётом, сыпучим

снегом. И сколько б не выбегали женщины на проулки, на крутые берега реки, на обзорные горные уступы, на пыльные большаки... Сколько б ни глядели из-под ладоней, – им не дожидаться милых сердцу! Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться горючих слёз, – не замыть, не изгнать тоски-печали! Сколько ни голосить в дни годовщин и поминок, сколько ни взывать к молчаливому Небу, – не донесёт восточный ветер стонов, криков и плачей их до тех далёких полей, до осевших холмов братских могил!..

Господи, помилуй... Травой зарастают могилы, – давностью зарастает боль. Ветер-стерх зализал следы ушедших, – время – лекарь залижет и кровяную боль, и память тех, кто не дождался родимых и не дождёт, потому как коротка и больно уж скоротечна человеческая жизнь... И, право, не много всем нам суждено истоптать травы на сём белом свете; успеть и сладить задуманное, исправить ошибки, покаяться и очистить от скверны душу...

Более сорока лет минуло после той ужасной войны... Казалось бы, – пора притупиться отчаянью – боли, остыть памяти, успокоиться сердцу... Но нет! Билась память в сознании генерала, раненой птицей... Билась, как бьётся головой о жёсткую землю солдатка, неожиданно получившая с фронта похоронку на мужа... внезапно осознавшая, что стала вдовой... Память грызла душу генерала, как зверь, попавший лапой в капкан, грызёт свою кость по живому...

Много воды утекло с тех пор, многого, очень многого добился сын Дагестана из аварского высокогорного аула Урада, – Магомед Танкаевич...

«Великую Отечественную войну Танкаев М.Т. завершил в звании подполковника. В суровые годы войны он был награждён тремя орденами Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны I степени.

Был командиром полка, заместителем командира дивизии. С 1961 по 1965 годы являлся первым заместителем командующего войсками Белорусского военного округа.

В 1968-1973 годы – командующий и член Военного совета Северной группы войск в Польше.

В 1973-1974 годы – начальник Главного управления военно-учебных заведений Министерства обороны СССР.

В 1974-1978 годы – представитель Главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами государств-участников Варшавского договора в Национальной Народной Армии Германской Демократической Республики.

С 1978 по 1988 годы до выхода в отставку – начальник Военного института в Москве.

Несмотря на многие ранения и контузии, полученные на фронте, он совершил 135 прыжков с парашютом.

В течение 20 лет был народным депутатом Верховных Советов СССР и Дагестанской АССР.

Военный талант, высокие организаторские способности и незабываемые заслуги перед Отечеством Танкаева Магомеда Танкаевича отмечены высшими наградами Родины: тремя орденами Ленина, Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени Красной Звезды и многими медалями.

Танкаев М. Т. награждён Командорским крестом со звездой ордена Возрождения Польши; орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте Германской Демократической Республики, орденами и медалями Болгарии, Чехословакии и Монголии.

Танкаеву М. Т. постановлениями Совета Министров СССР от 18 февраля 1958 года присвоено звание генерал-майора; от 22 февраля 1963 года – генерал-лейтенанта; от 21 февраля 1969 года – звание генерал-полковника».⁵

⁵ Гаджи Арипов, «Генерал-полковник Танкаев», см. там же.

Много воды утекло с военной поры... Но этот бесконечный огненный сон, сотканный, как лоскутное одеяло, из всевозможных временных фрагментов его воинского пути часто повторялся во снах

генерала, непрошено приходил ночным кошмаром и терзал, клевал, выворачивал душу; ломал сон и покой, принуждал натужено – сбойно биться в груди уставшее сердце. И раз за разом, из года в год, боевой генерал просыпался с придушенным стоном, и сомкнув твёрдую складку рта подолгу лежал неподвижно, возвышаясь над придавленными пружинами кровати, и с тоскою неизлечимо больного человека, чувствовал своё окаменевшее, словно чужое лицо и неотвязно думал о той жестокой судьбе, что выпала на долю его любимой страны и всего советского народа.

* * *

...Вот и теперь, он стоял погружённый в прохладный всплеск солнечного света, покурил папиросу и поневоле вспоминал обожжённые обрывки тяжёлого сна. Они, как чёрные птицы, что несметным числом, нескончаемой стаей, пересекавшей небо, текли и скользили, вспыхивали и гасли перед его мысленным взором, – давние и далёкие, но памятные, а потому недавние и близкие, – ужасные, цепенящие душу, когда на людей, мирные города и сёла, армейские эшелоны и поезда с беженцами сыпались бомбы-снаряды и рвали на клочья раскалённый металл; в красную слякоть живые тела, разбрызгивали мозг по грязным, обугленным кирпичным стенам, по пыльной траве и снегу, вышибали зубы из гнёзд, вырывали жизнь из

багряных глазниц... С дьявольским рёвом моторов Люфтваффе, под вой и визг осколочных авиабомб – SD-2 и прочих тяжёлых фугасов, озверевший враг, от налёта к налёту, пытался сожрать – уничтожить огромную цветущую страну, оставив скелеты, дымные руины, саркофаги и остовы от взорванных им станций. Заводов, вокзалов, аэродромов, широких проспектов и площадей.

...Эти воспоминания – всполохи, похожие на странную игру, доставлявшие мрачное волнение и муки, тем не менее будоражили, увлекали генерала. Он смежил тёмные медные веки, оставляя зрачкам узкие бойницы, и в сплюсненном небе, среди раздавленных светофоров, брызгающих фонарей, размытых, как акварели. Вывесок и реклам, партийных призывов на кумачовом фоне, продолжали возникать оживлённые его острой памятью картины и зарницы былых событий.

* * *

...Белый свет мощных электрических прожекторов, снабжённых сферическими зеркалами для отбрасывания узких пучков сильного света, ослепили, – идущие в брод батальоны...

Лающие команды немецких командиров заглушил грохочущий стук их пулёмётных расчётов. Прозванный нашими бойцами «гитлеровской циркулярной пилой» – пулёмёт MG42 на то время и впрямь, похоже, был лучшим «убийцей» в мире. Его адская скорострельность составляла 1500 выстрелов в минуту или 25 – в секунду! С их помощью Вермахту удавалось эффективно бороться с массированными атаками пехоты противника: и в Северной Африке, и на Западном фронте, и на Восточном.

Твою мать!.. Не было исключением и этот штурм. Фашист под «орех» разделял нашего брата, собачил сволочь, так, что только алая пена вскипала на чёрном взваре реки. До кучи, угущая свинцовый шквал, автоматы и пулёмёты фрицев поддерживало сатанинское уханье миномётов.

...Из-за реки, с береговых лобатых холмов полетели ввысь шипящие струи осветительных ракет. Лопаюсь, как кровавые чирьи они раскрывались в сумеречной высоте ядовито зелёными-голубыми-ртутными люстрами; словно пристреливали к прсторному куполу неба ясные, маслянистые лампы, заштриховали бледное серебро звёзд, озарили схваченную ломкой слюдой льда студёную пойму. Береговые снега вспыхнули оранжевым, сиреневым, синим. На тёмно-свинцовых застругах воды задрожали струящиеся отражения. Белое золото серпан-

тиновых нитей. И под этим мистическим, жутким заревом, уж не таясь, остервенело, сцепив зубы, прорывались к берегу люди, отбрасывая чёрные длинные тени. Разбивали воду, пенили бурливые борозды.

* * *

...Первым взорвался и взлетел на воздух плот с артиллерийским расчетом. Накрытый миной, попавшей в ящики со снарядами, он рубиновым – огненным смерчем взлетел на воздух, подбросив, будто картонки, два искореженных орудия, расщепленные брёвна, охваченные огнём тела бездыханных бойцов.

Под рассветные громы над Воронеж-рекой, под стальной марш боя, как из рога изобилия бухали взрывы в разных местах обеих колонн. Непрерывные, скованные в прочные цепи, они разваливались, дробились, теряя звенья от этих взрывов.

Стрелки шарахались в хаосе смерти, как согнанный в загон на убой скот. Их с дьявольским воем настигали мины, выкашивал свинцовый град пуль... Люди отскакивали и снова, под сорванные олютевшие призывы командиров, политруков, пробивались к проклятому, харкающему огнём берегу. Чёрная ледяная река засасывала раненных, ошалевших бойцов, жадно глотала, как ненасытное чудище. Но и под водой грохотали глухие разрывы и оглушённые стрелки, в тяжёлых сырых шинелях, с разбухшими вещевыми мешками, обвешанные подсумками и оружием, – камнями шли ко дну.

...Капитан Танкаев после первого взрыва, окатившего его с головой колючей и режущей, что стеклянное крошево водой, видя, как столкнувшись с красным взрывом ушла под лёд треть отделения замкомвзвода сержанта Петренко, – Танкаев мгновенно осознал весь ужас их положения. Над батальонами распахнула липкие крылья тень катастрофы. Она, стремительно охватывая их по окаёму снежного берега, по чёрной воде, что вздымалась в небо гремучими фосфоризирующими фонтанами, грозила бесславной гибелью всему 472-му полку.

Ужас и отчаянье капитана были от бессилия, от невозможности обуздать, дисциплинировать, обезумевших солдат. Дико озираясь, как затравленный зверь, бросаясь наперез, срывая горло, он палил из ТТ в воздух, угрожал расстрелом, тщетно пытаясь увлечь за собою стрелков, разбрасывал руки, точно хотел сгрести их всех, обнять своих гибнущих товарищей, прижать к груди, заслонить от поглощавшей их катастрофы.

...Под руку ему попался ослеплённый пышным пламенем взрыва рядовой Невзоров. В молниеносном отблеске жажнувшей мины, Магомед узрел одичалое, с оскаленным ртом лицо, на котором выпученные, переполненные лиловым ужасом круглились глаза; перебитый пулей ремень. Съехавшей набок каски, скакал и хлестал по перекошенным скулам стрелка.

– Сто-ой! Отставить! Куда, сволочь! Пристрелю, как собаку! – Капитан схватил за грудки Невзорова, рванул на себя.

– Отчипи-ись, чёрт нерусский! Пусти, гад! Хана нам всем!! Тякать... Тякать нады, командир! Я б мухой отсель прочь, кабы крылья были...

Отчаянность положения и невозможность остановить беду, мгновенно превратились в ожесточённой горской душе ротного в острую, безумную и теперь уж бессмысленную ненависть к обманувшему его надежды бойцу. Магомед замахнулся кулаком, вдарить по оскаленной, опалённой страхом и паникой роже, желая образумить бойца, но в ту же секунду, что-то просвистело мимо виска капитана, обожгло скулу... И память запечатлела: как гибельно содрогнулся всем телом Невзоров. Налитые жутью глаза прощально полыхнули стылым огнём, скользнув по тёмной и сырой бронзе лица ротного, с пепельных губ глухо слетело: – Убили... уби-ли меня... Прощай, ко-ман-дир... – Он рухнул снопом лицом вниз, в заплывленной кровью и мозгами шинели... Осколок мины, величиной с ладонь, скользнув по затылку, словно лезвие топора, вошёл ему меж лопаток.

В раскалённых зрачках Танкаева выжглось, подобно тавру предсмертное лицо Невзорова. Оно показалось ему беззащитным, чуть ли не детским, не смотря на жёсткую, провололочную

щётку ржанных усов и измученный – безумным страданием ли, прежним отчаянным страхом, покривлённый судорогой суровый рот.

– Невзо-ро-ов! – в сердцах закричал капитан, рванулся к нему, пытаясь подхватить бойца, но набегавшие табуном стрелки, смяли его, отбросили в сторону, выхватили из воды, увлекли с собой. И тяжеловесный вал осатаневших людей навсегда разлучил их, как смерть в тот час, – разлучила навсегда многих со многими. А пойма реки, вскрытая ото льда людскими телами – трупами, на сто рядов протороченная крест-накрест свинцом и выпотрошенная миномётными взрывами, – чуть дымилась паром и так же призывно-радушно и жутко чернела вдоль белых свадебных берегов.

Одному бесу известно, как им удалось выжить, вырваться из этого омута смерти! Но чудес на войне не бывает...И объяснение этому есть: офицерская честь, долг, мужество, натиск, решительность и храбрость, граничившие с безрассудством и массовый героизм солдат.

Яростный призыв раненного комбата Воронова, а главное, пусть запоздалый, но мощный, точный огонь нашей береговой артиллерии, – спас положение, дал передышку обескровленным ротам.

* * *

...Оставаясь на лоджии, генерал Танкаев продолжал низать задумчивым взором бульвары, переулки, площади, магазины, киоски «Союз печати», автобусные остановки, словно они были условными значками оперативных карт, углублённым изучением которых он занимался. Краповыми кружками были помечены минные поля; синие и шафрановые квадраты обозначали укреплённые пункты, окружённые трёхрядкой колючей проволоки. Их надо было, во что бы то ни стало сокрушить в предстоящей атаке. Чёрные, фиолетовые линии, квадраты и треугольники указывали на сосредоточение немецких войск и танковых соединений. И на каждой из карт стоял красно-бордовый штамп батальона разведки.

...Своеобразная игра воображения продолжалась, и он движением зрачков вызывал на визуальном экране разноцветные пятна и образы былого. Детали становились чётче, осязаемое, ярче. Генерал погружался всё глубже в воспоминания тех грозных событий и уже мог без труда воскресить и рассмотреть лица своих фронтовых товарищей. Они, отнюдь, не были призракными тенями, восставшими из царства мёртвых. Напротив, их плоть была такой живой и реальной, такой близкой, что были моменты, когда Магомеду Танкаевичу становилось даже не по себе...и хотелось выбраться из этого сновидения – яви, словно со дна той ледяной Воронеж-реки, с того заросшего тиной и всяким илом, душащего омута.

Огнедышащий мираж, подобный текуче-плазменной фата-моргане, пульсирующий и дрожащий перед глазами, превращался едва ли не в навязчивую, психическую проблему, – постфронтальный синдром. Впрочем, он боевой генерал, прошедший огонь, воду и медные трубы, – не был охотником до химер и прочих мистических туманов, а потому. Не шептал молитв и не гнал от себя, встававших жутких картин...

Уф Алла!..Он снова был там, – в огненно-ледовом аду 42-го...

* * *

...Несколько секунд капитан Танкаев стоял, обжигаясь потом, сапно дыша. Обрывочно бормотал, просверливаемый навывлет одной мыслью: «Мне доверили столь большое, судьбоносное дело...И вот, мать – перемать, я его поганю собственными руками...Одни мыльные пузыри – слюни...Слова не свяжу...Где команды?! Да что же это со мной? Иай, пёс! Горест ты или кто? Джигит или баба?! Э-эй, шайтан, скольких же ты ребят положил! Какая ж я бездарь! Помни, из какого ты рода!»

Слева долетело оголтелое:

– Твою Бога душу...Товарищ капита-ан! Това-а!..

Пулемёт, яростно строчивший с шишковатого взлобья холма в мгновение ока изрешетил пулями тела двух стрелков, бросившихся к нему, командиру, с последней надеждой на спасение. Оба упали в воду, у близкого берега, бесформенными изуродованными комьями.

Он увидел, как бойцы, увлекаемые тяжестью амуниции, прощально блеснувшие стволами винтовок, скользнули в чёрно-серую глубину, и вода, перемешанная с кусками льда, ужом зашипела, доплеснувшись до него волной. До напряжённого слуха доплыл плеск смыкавшейся воды.

Ай-е! Секундный ступор – будто клином вышибло. Из горла вырвался свирепый крик:
– Рр-рота за мно-о-ой! В атаку-у! Бегом! Ма-арш!!

С невероятной быстротой капитан Танкаев рванулся к треклятому берегу. Под тяжёлыми, словно налитыми чугуном, сапогами ломалось – трещало крошево льда. Ветер и течение гнали по широкому затону куски свежеотломленного глазированного льда, волны гневно трясли свинцовыми вихрями, злобно чмокали, шелестели. Он хорошо помнил, на краткий миг кругом взялась мёртвая тишина. На укреплённых холмах желтели хмурый рассвет вражеские огни дзотов и блиндажей. Исступлённо горели и дрожали на смуглом, дымчатом небе зернистым чеканом звёзды. Налетевший встречный ветряк пушил позёмкой, она сипела; летела мучнистой пылью, слепила глаза...

И вдруг в распатлаченных космах рассвета, огня и дыма, вся пойма реки взорвалась ярым гулом и трясучий, рвущийся из сотен глоток рёв, оглушил немцев, – страшным русским:

«Урр-ра-аа-ааа-р-а-а-аа-ррр-аа-ааа!!»

У Магомеда от прилива дикой радости, ненависти, отчаянья и решимости, будто клещами перехватило горло.

«Тронулись наши! Пошли!» – одурающее ударило в виски. В его чёрно-карих с фиолетовым отсветом аварских глазах не было страха, – только огонь возмездия, торжество мстителя.

И тут же вновь ударили пулемёты. Вражеский берег посылал по реке, по рвущимся вперёд красноармейцам, брызгающие огнём, мерцающие в воде трассы. С ближних холмов сплошной режущей плоскостью, будто врубили циркулярку, – и она спиливала низкий срез пространства, искря, грохоча раскалёнными зубьями. Медные сердечники прошивали бегущих, отрывали им руки, ноги, дырявили каски и черепа, как консервные банки с томатами. Батальоны, штурмующие высоту 178,0 под перекрёстным огнём пулемётов, видели, как гибли без счёту их боевые товарищи, командиры. Жатва смерти была ужасной. Но мясо и кровь убитых, лишь крепче придавали им ярости – лютости и слепой неистовой страсти. Их порыв и натиск, уже невозможно было сломить!

Та же злобная радость атаки, ожесточённость стучали в груди Магомеда. Остервенело строча из ППШ по пулемётным гнёздам и траншеям фрицев, он свирепо зывал к своим:

– Вперё-ёд, за Родину! Кр-рой их! Реж гадов!

Ему вторили надрывные крики взводных и старшин:

– В кррровь немчуру – сволоту!..

– Вр-режем, братья! Вали их сук! В кр-ровину мать!..

Знай наших... Ур-р-ра-аа-аа!

* * *

(Из воспоминаний генерал-полковника М.Т.Танкаева)

«Чёртов берег встретил нас противопехотными минами. Жуть. Кругом трещала и лопа-лась, как ореховая скорлупа, застывшая в камень твердь; точно вырастали кочаны огненной косматой капусты и воины спотыкались об эти кочаны, падали, кто замертво, молча, кто бился в агонии, корчился начинал хрипеть и кричать, пытался ползти, выворачивая в сторону, дрожавшую от надсады и боли голову, упираясь в наждак наста окровавленными культиями. А мины всё продолжали взрываться, то тут, то там... В снегу внезапно открывались огненные

скважины, и фугасная сила, бьющая из глубины, сначала подбрасывала людей, как войлочные куклы. А потом утягивала под землю.

...Сбитый ударной волной упал и я, не успев пробежать по берегу и пяти шагов. Вдоль тела, мимо лица просвистела струя огня. Как я остался жив – невредим – не знаю. Чудом, наверное... да материнской молитвой. Иншалла! В ноздришибанул серный запах взрывчатки, парной дух размороженной взрывом земли.

Я крутнул головой: справа и слева от меня было много других лежавших у мелких горячих воронок, над которыми таял туман взрыва и спелой брусникой краснели кровавые брызги. Увидел и других обмороженных, в заледенелых шинелях, телогрейках воинов, которые, скатываясь вниз, падали в реку и, окружённые росчерками пуль, уходили на дно.

И тут из кипящей поймы реки, вновь грянул перекатистый крик: «Ра-аа-аа-урр-ррра-аа!» И мы, презирая смерть, снова бросились на холмы, которые встретили нас кинжальным огнём.

...На склонах высот Шиловского леса завязался рукопашный бой. Дикий рёв атакующих и жуткие стоны раненых рваным эхом отзывались на противоположной стороне лесистого увала.

...Раненый в голову адъютант командира полка Илья Любанов с винтовкой наперевес рванулся на рослого рыжеусого фельдфебеля, судорожно перезаряжавшего свой раскалённый «Бергман» – автомат МР-34, и с ходу ударом штыка выбросил того из окопа. Весь окровавленный, с распоротой пулей щекой, с подвязанным предплечьем, сжимая пистолет в здоровой руке, бежал со своими солдатами в штыковую атаку командир 3-го батальона майор Николай Фёдорович Кулешов».

Глава 6

Так уж повелось: известный артист тот, о котором в народе гуляют сплетни. Боевой офицер – о воинской доблести и лихости которого среди солдат ходят легенды. ...О безрассудной храбрости – твёрдости капитана Танкаева – истории переводу не ведали. Жил среди стрелков 472-го полка слух и о его булатном кинжале. Знал о кинжале и комбат Арсений Иванович Воронов, понимал, что «не по уставу», но смотрел на это сквозь пальцы. Потому как знал: горец без кинжала, как птица без крыльев. А более потому, что не было в его батальоне более смелого, более отчаянного и надёжного комроты, которому он поручал самые сложные, опасные. А подчас, как казалось, невыполнимые задачи.

Но вот! – что особенно удивляло и восхищало в нём старших командиров: при всех своих выдающихся заслугах, волевой собранности, дисциплинарной суровости и отчаянной решимости в бою, – Магомеда Танкаева отличала необычайная скромность, завидная выдержка. И эта воздержанность, природный такт, но при этом мужественная горская прямота и крепость духа присутствовали во всём.

* * *

Как-то в тесном кругу офицеров батальона, в один из октябрьских вечеров, отмечая день рождения Магомеда Танкаева, комбат с чувством сказал:

– А ты и впрямь, брат, сродни своему кинжалу. Так же молчалив и так же опасен в бою, как и твой клинок. Да уж, гансам с тобой кадрили не плясать. На танцплощадке лежать останутся, – под общий смех однополчан заключил он.

Майор Воронов держал в руках стариннойковки дагестанский кинжал, подносил к свету, внимательно оглядывал чернёное серебро ножен и рукояти. Вытянул наполовину лезвие, на котором вспыхнула голубая слепящая молния. С шипящим звяком вогнал клинок обратно в узорные ножны, уважительно вернул их имениннику. Пыхая папиросой и тепло посмеиваясь в ржавый карниз усов, зная упрямый характер Танкаева, на опережение обрубил:

– Отставить, капитан. Скажи на милость, какой ёрш! У вас там все такие? Знаю, знаю, дорогой... Черкес без кинжала, как шмель без жала.

– Аварец, – дрогнув смоляной бровью, со сдержанным достоинством поправил командира Танкаев.

– Ну да, ну да... Один шут, ваш брат кавказец. Так вот, дорогой товарищ аварец, – обыденно усмехнулся Арсений Иванович, но было заметно, что он искренне взволнован торжественным моментом. Комбат подошёл к капитану и посмотрел в его смелые, соколиные глаза.

– Говорю при всех, чтоб не было кривотолков. Пусть отныне и навсегда будет сей обоюдоострый оберег при тебе. Ты, капитан, кровью заслужил сие право. А это, товарищи офицеры, я убеждён главное в нашем ратном, воинском деле. Уяснил, Магомед Танкаевич?

– Так точно.

– Вот и славно, брат.

– Прикажете разлить, товарищ майор? – весело встрял взводный лейтенант Самохин. И, дождавшись одобрительного кивка, с нетерпением откупорил дюжую фляжку со спиртом.

Ни хрусталия, ни стекла, понятное дело, на передовой не водилось, спирт булькал по железным солдатским кружкам.

– Ну что ж, аварец – капитан. Достославный ты наш, дорогой Магомед Танкаевич, – майор, ломая погон, вместе с другими поднял фронтовую, заздравную:

– Ты встречаешь своё двадцатитрёхлетие не в кругу семьи и родных, но на поле боя, в кругу боевых товарищей, как и следует настоящему воину. Джигиту! – комбат ободряюще подмигнул капитану, видя, как от едва заметного внутреннего волнения зарделись верхушки скул ратного, и чинно продолжил:

– Я вот, что хочу сказать тебе, Магомед, в этот день от всех нас. Тебя любят, тобой гордятся солдаты, уважают офицеры... Боятся и ненавидят враги, мать их взашей... Хмм, – втягивая воздух, топорща усы, с хорошо знакомой офицерам командирской жестковатинкой в голосе. Раздумчиво итожил Воронов. – Что правда, то правда... Буду на чистоту: где ты появляешься со своими бойцами, мать-то их суку... земля горит под ногами фашистского зверя! Там наш советский солдат, доблестной Красной Армии одерживает победу. Скажи на милость: что ж пожелать тебе в этот памятный день... Храбрости? Хм, так ты и так – смел и отважен. Не раз с полковой разведкой в тыл к немцам ходил, брал «языка». Здоровья? Так ты и без того неутомимый, трёхжильный... Скажи на милость, что там у классика: «Как барс пустынный зол и дик!..» Так вот, капитан, от всей души – сердца, как на духу... Чтобы пули – дуры – все мимо! Чтобы мы – офицеры этой великой, священной, проклятой, всем разстохренелой войны, всегда были б вместе! И свято помнили: неважно, совсем неважно кто ты – русский, аварец, украинец, татарин, белорус, казах или грузин. Потому как вместе мы – советский народ – великая, непобедимая силища! И мы ещё послужим орлы, горячо любимой Родине, нашему товарищу Сталину! За тебя, капитан!

Дружно сшиблись – брякнули кружки. Но не кутили, не пели песен офицеры этим октябрьским хмурым вечером, а выпили горький спирт и закусили печёной картошкой в суровом молчании. В штабном прифронтовом блиндаже стоял крепкий дух: запах смолистого мужского пота мешался с едким табачным дымом, яловой кожей сапог, влажных портянок, кобур и портупей. От залежалых, засаленных ватников, что покрывали грубые нары, от взгромождённых горой – одно на другое – седел артиллерийской прислуги несло кониной, дратвой, прелым войлоком и ещё чем-то сладко-тяжёлым, – так пахнут стариковские затасканные поддёвы, зипуны и шапки.

Душная пауза затянулась. Но никто не пытался её нарушить. Все понимали: капитана Танкаева, равно, как любого из них, – завтра ждала передовая, а не весёлый припляс в клубе под граммофон. И все они, как кому суждено, пойдут с боями по искореженной, убитой солдатскими сапогами и пропитанной кровью военной тропе... Пойдут только вперёд! Пойдут до конца, пойдут до Победы, потому, что так велит долг и сердце. Потому, как другого им не дано.

Майор Воронов бухнул порожней кружкой о грубо сколоченный из сосновых досок стол. Право дело, был бы в его руках гранёный хрусталь, комбат хлопнул бы его об пол, что б разлетевшийся алмазными брызгами выпитый бокал, скрыл его слабость, заискрившиеся туманцем глаза. Со скупыми слезами на глазах и в усах он крепко обнял Магомеда. Терпкое чувство фронтовой дружбы переполняло их сердца.

– Ты совсем мальчишка, а уже капитан. Держись, голубчик! Пусть оберегает тебя ангел-хранитель.

– Товарищ-ч майор! Я категорически попросил бы! – возвысил грассирующий баритон чернявый политрук батальона Борис Самуилович Хавив. – Это...это, что за старорежимные слова – напутствия? Я категорически призываю, помнить о морально – политическом состоянии личного состава!... Это как же прикажешь понимать, товарищ-ч майор? Сначала белогвардейский «голубчик», потом, понимаесч-ч, с барского плеча «неуставной кинжал»... Теперь «ангел-хранитель»... Хавив, сверкая вороньим глазом, из-под нахмуренных бровей, косо посмотрел на комбата и недобро процедил сквозь плотные мелкие зубы:

– Может, вы есчë «бога» вспомните? И это командир батальона, товарищи красноармейцы! Это как же прикажешь понимать, майор?

– А так и понимай, политрук. Именно «ангел-хранитель», и не иначе... Для меня человек не словом, а делом важен! – комбат лишь отмахнулся, и снова подмигнув виновнику торжества, извлёк из командирской сумки. Сверкнувший, как чёрный бриллиант «Парабеллум».

– А чтобы ты, Магомед Танкаевич, помнил этот свой день рождения, который празднуешь на войне, делаю тебе этот подарок! – Арсений Иванович, улыбочиво – шало щуря клено-

вую зелень глаз, радушно протянул оружие капитану. – Скажи на милость, какая игрушка! Немецкий трофей. Офицерский... Держи на память. Владей, дорогой. Пусть он будет отныне кунаком твоему кинжалу.

Именинник радостно принял подарок. Ещё бы! Какой мужчина не любит оружие? Тем более – горец. Особенно если он дагестанец. Аварец из Урады!

...Теперь настало время восхищаться капитану Танкаеву. Дорогой, 9мм, самозарядный пистолет системы Люгера и впрямь был на загляденье хорош. Воронёная сталь на отточенных гранях отливала глубокой синевой, рукоять, как влитая укладывалась в ладонь. Основной особенностью оружия был необычайный шарнирно-рычажной затвор. Автоматика основывалась на принципе отдачи ствола, с открытым затвором и кожухом.

Магомед понаслышке знал: такими пистолетами были вооружены офицеры и унтер-офицеры Вермахта, тайной полиции Гестапо, войска СС, а также офицеры технических родов войск – танкисты, лётчики и другие.

...Блиндаж освещали два чадающих светильника, по-обыкновенно сделанные их латунных артиллерийских гильз, – дешево, но практично. Качество, которое на фронте всегда первостепенно, всегда в цене и почёте.

Именинник шагнул к свету. Под журчливое бульканье спирта в кружках и поздравительные возгласы собрания, жадно оглядывал подарок комбата. Пистолет жёг руку, словно страстный поцелуй. Он вдыхал запах металла и ружейного масла, как запах вражеской крови, покуда лёгкие не распухли от сладкого медового аромата. Другие, окружавшие запахи, казались сейчас горцу пресными и пустыми в сравнении с густым запахом смерти, что до срока таилась внутри «одноглазого убийцы! Аллага шекур! Эта идеальная элегантная, машина смерти была способна прострелить человека до кости за доли секунды. «Восемь пуль – восемь смертей... И стреляет собака быстрее, чем успеешь моргнуть. Хо! Лучший пистолет Второй мировой войны».

– Да уж... умеют гады, клепать такие штуки! – не скрывая восхищения, присвистнул кто-то из взводных.

– А что ж ты хотел, Белов? – со знанием дела, едко усмехнулся замком 4-ой роты Медведев. – У нас на Руси отвеку так: Всё в почёте, что не в своём зачёте, – из-за бугра, стал быть. Одно слово Евро-опа!

– Жопа! Твоя Европа, Медведев! – с жаром, дрожа раздутыми крыльями ноздрей, будто давняя лютая обида взяла его сердце волкодавье хваткой, вспыхнул и насыпался на старлея командир разведроты капитан Николай Непряхин. Болезненно остро, помня о своих погибших ребятах, он испытывал зверскую злобу к врагу и положительно ко всему, что было связано с ним. Потому как знал: если встретиться с немцем, будь он юнец, хоть старик – быть между ними крови. И рука его ни на миг не дрогнет. – Жопа твоя Европа! – с ненавистью повторил он, и звонко хлопнув ладонью по кобуре, скрепил: – Наш «Тульский Токарев» не хуже будет. Те же восемь патронов, мощность будь здоров, прост, надёжен и качества: не горюй немчура – мозги вон!

– Ну, скажешь тоже! – поднял голос взводный Сорокин из танкаевской роты. – А весит сколько зараза? Ровно чугунный утюг держишь!

– А ты баба, разве? Чтоб, как плойку ТТ держать?

– О-от-ставить! – командно рявкнул комбат. – Ишь бузатёры нашлись. Это ж, какая старая рана у вас: тронь словом, – закровоточит, мм? Отставить! Нашли время, тоже мне сарычи, выбили в полынке точок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.